

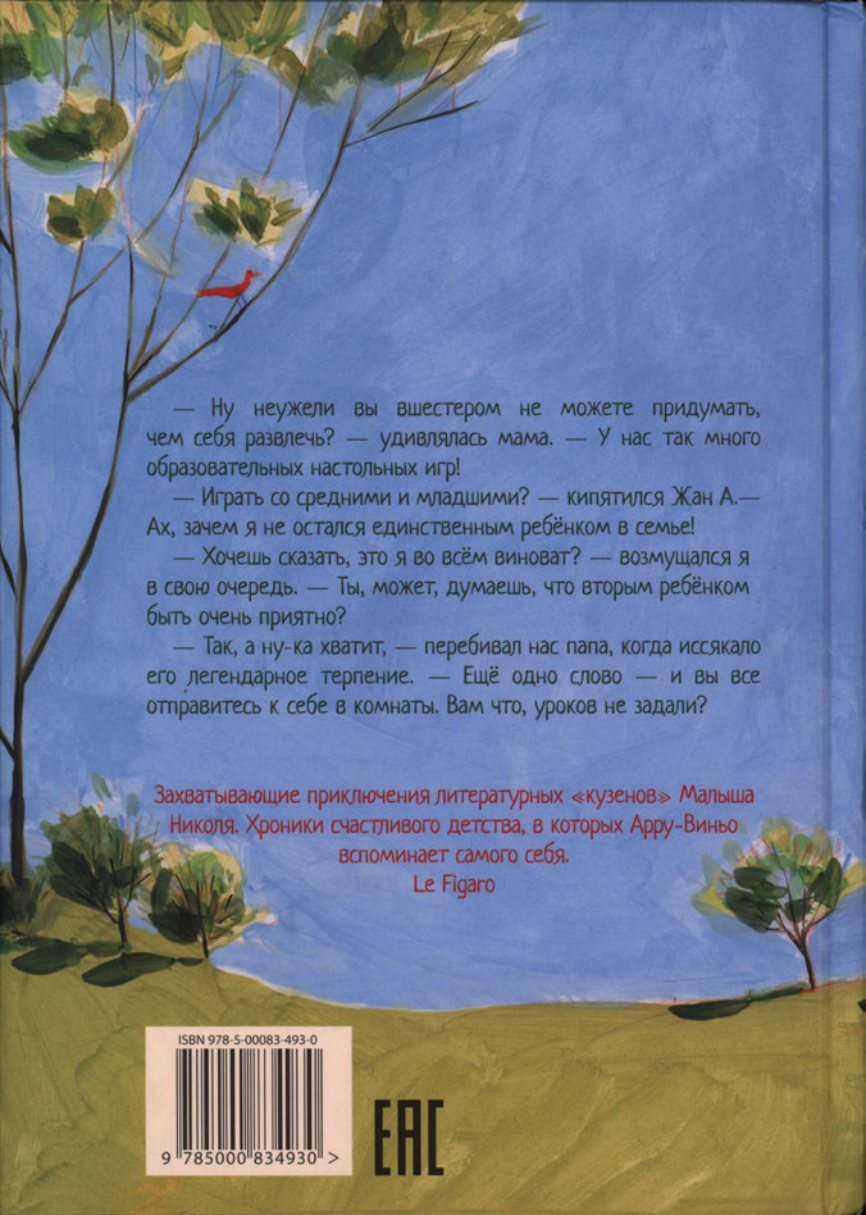
Жан-Филипп Арру-Виньо

Горошина на шестерых

Приключения семейки
из Шербура

КомпасЛіт
видавничий дім

— Ну неужели вы вшестером не можете придумать, чем себя развлечь? — удивлялась мама. — У нас так много образовательных настольных игр!

— Играть со средними и младшими? — кипятился Жан А. — Ах, зачем я не остался единственным ребёнком в семье!

— Хочешь сказать, это я во всём виноват? — возмущался я в свою очередь. — Ты, может, думаешь, что вторым ребёнком быть очень приятно?

— Так, а ну-ка хватит, — перебивал нас папа, когда иссякало его легендарное терпение. — Ещё одно слово — и вы все отправитесь к себе в комнаты. Вам что, уроков не задали?

Захватывающие приключения литературных «кузенов» Малыша Никола. Хроники счастливого детства, в которых Арру-Виньо вспоминает самого себя.

Le Figaro

ISBN 978-5-00083-493-0

9 785000 834930 >

EAC

Jean-Philippe Arrou-Vignod

Un petit pois pour six

Histoires des Jean-Quelque-Chose

Illustré par Dominique Corbasson

GALLIMARD JEUNESSE

Жан-Ришар Ару-Виньо
Торашина
на
шестерых
Приключения семейки из Шербурра

Иллюстрации Доминик Корбасон
Перевод с французского Иры Филипповой

УДК 821.133.1-053.2

ББК 84(4Фра)

А84

Арру-Виньо, Жан-Филипп.

А84 Горошина на шестерых. Приключения семейки из Шербура : [для мл. шк. возраста : 6+] / Жан-Филипп Арру-Виньо ; ил. Доминик Корбасон ; пер. с фр. Иры Филипповой. — М. : КомпасГид, 2019. — 120 с. : ил. — Доп. тит. л. фр. ISBN 978-5-00083-493-0

Если вы думали, будто у Жан-Филиппа Арру-Виньо закончились весёлые и трогательные истории из детства, то вы, к счастью, ошибались! Семейка из Шербура настолько неугомонна, что их проказ хватило бы и на двадцать книг. Но пока — седьмая и последняя: долгожданное продолжение «Омлета с сахаром», «Летающего сыра», «Шашлычка из редисок» и других любимых сборников.

Приключения в большой шербурской семейке возникают как-то сами собой, в ничего не предвещающих на первый взгляд обстоятельствах. Поход в библиотеку — чем не повод для детективного сюжета с элементами заговора? Тайная рукопись Жана Б. на раз-два провоцирует такую битву подушками и такое метание носков, каких эта детская комната прежде не видывала. Даже долгие зимние вечера — и те полны событий, открытий, вдохновляющих и счастливых моментов. Иначе и не может быть в семействе, где шестеро сыновей, каждого из шестерых мальчишек зовут Жаном, а папа — словно седьмой Жан-сорванец, пусть и чуть-чуть взрослее.

Писатель Жан-Филипп Арру-Виньо (родился в 1958 году), известный читателям в образе Жана Б., не ностальгирует по прошлому, а превращает свои воспоминания в уникальный мир настоящего детства, куда хочется возвращаться вновь и вновь. Франция 1960-х годов неожиданно оказывается столь же притягательной и очаровывающей, как Нарния или Средиземье, — а детали жизни обычного человека из прошлого века становятся понятным и привычным окружением для самых необычных приключений.

Вся серия оформлена в едином стиле и проиллюстрирована Доминик Корбасон (1958–2018). Лёгкая, карикатурная манера французской художницы вторит озорному стилю текста и добавляет уморительных моментов.

УДК 821.133.1-053.2

ББК 84(4Фра)

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения издательства «КомпасГид».

Originally published as «Un petit pois pour six»

© Éditions Gallimard Jeunesse, 2018

© Издание на русском языке, перевод на русский язык. ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2019

ISBN 978-5-00083-493-0

Операция «Библиотека»

Самые неприятные дни в Шербуре — это когда нам не надо идти в школу.

Например, в выходные или во время каникул.

Папа и мама у нас жутко строгие: хотя Жан А. учится уже в шестом классе, а я в четвёртом, они не отпускают нас одних в бассейн или в кино на фильмы про ковбоев. А хуже всего то, что нам не разрешают ходить в гости к друзьям или приглашать их к себе.

Сколько мы ни ворчали и ни злились, как хорьки, — всё зря.

— Ну неужели вы вшестером не можете придумать, чем себя развлечь? — удивлялась мама. — У нас так много образовательных настольных игр!

— Играть со средними и младшими? — кипятился Жан А. — Ах, зачем я не остался единственным ребёнком в семье!

— Хочешь сказать, это я во всём виноват? — возмущался я в свою очередь. — Ты, может, думаешь, что вторым ребёнком быть очень приятно?

— Так, а ну-ка хватит, — перебивал нас папа, когда иссякало его легендарное терпение. — Ещё одно слово — и вы все отправитесь к себе в комнаты. Вам что, уроков не задали?

— Я могу сыграть «Спокойной ночи, малыши», хотите? — кричал Жан Г., который всё утро терзал нас своими упражнениями на дудке.

— О нет! — вопили мы всем хором. — Лучше сдох...

— Что-что? — перебивал нас папа.

— Ничего-ничего, — отвечали мы.

— Какой смысл не ходить в школу, если всё равно целый день делать уроки? — злился Жан В.

— Вот-вот, — поддерживал его Жан А. — В гостях можно хотя бы посмотреть «Зорро» или «Звёздный путь».

— Так я и думал, — кивал папа. — Мы с вашей мамой приняли твёрдое решение обходиться без телевизора не для того, чтобы вы ходили к одноклассникам и до одурения смотрели там все эти нелепые передачи.

— Особенно если мы не знакомы с их родителями, — поддакивала папе мама.

— Что такое *итинилепые*? — спрашивал Жан В., у которого словарный запас не больше, чем у дерева.

— В общем, это даже не обсуждается, — выносил приговор папа. — Если вы не в состоянии развлечь себя сами, не беспокойтесь: уж я-то найду вам полезное занятие.

— А мне плевать, — бормотал себе под нос Жан А., направляясь к двери. — Вот стану совершеннолетним — и ноги моей больше не будет в этом дурдоме...

— Что-что? — спрашивал папа, приподнимая одну бровь. — Жан А., ты, кажется, что-то сказал?

— Нет-нет.

— Вот и хорошо, — говорил папа. — Потому что мне было бы очень неприятно, если бы пришлось немедленно, безо всяких разговоров, отправить тебя в интернат для детей военнослужащих.

После Рождества наша жизнь вдруг изменилась.

Папа посмотрел денёк-другой, как мы болтаемся без дела по гостиной и дерёмся у себя в комнатах, и ему в голову пришла блестящая мысль.

— Дорогая, а что, если нам записать Жана А. и Жана Б. в муниципальную библиотеку?

— Но ведь у нас семейный абонемент в церковно-приходском читальном зале, — напомнила ему мама.

— Да, — согласился папа. — Но ходить в библиотеку самостоятельно и самому себе выбирать книги — по-моему, отличный способ развить чувство ответственности, как ты считаешь? Особенно если принять во внимание то, с какой скоростью поглощает книги Жан Б. ...

Это и в самом деле была классная идея, библиотека мне бы здорово пригодилась. Я уже четыре или пять раз подряд прочёл последний выпуск «Ежегодного журнала», который дедушка Жан дарит нам каждый год на Рождество, и уже почти неделю глотал одну за другой бесконечные книжки про секретного агента Ланжело.

Мы с Жаном А. прямо зубами вцепились в эту возможность.

— Мама, разреши, ну пожалуйста! — стали мы её умолять. — Ты нас тогда целыми днями вообще не будешь видеть, вот честное слово!

— Я тоже как раз хотел это сказать, — поддержал нас папа.

— Ну что же, хорошо, — наконец сказала мама. — Если вы обещаете обращаться с библиотечными книгами аккуратно и всегда сдавать их вовремя... Хотя мне трудно поверить в такую вероятность, судя по беспорядку, который царит в вашей комнате.

— Честное слово! — закричали мы и бросились маме на шею. — Клянёмся жизнью средних!

И на следующий день нас записали в библиотеку.

С тех пор мы с Жаном А. исправно каждый четверг ходили в библиотеку.

Сначала мы проводили там по часу или два, чтобы подольше не возвращаться домой, а потом стали оставаться до самого вечера.

Папа был счастлив, что у нас наконец-то появилось полезное занятие. Но маме наш энтузиазм казался подозрительным. Особенно когда однажды мы захотели убежать в библиотеку ещё до того, как закончился обед.

— Вы что же, не хотите десерта? — изумлённо спросила она, когда мы вскочили из-за стола так стремительно, будто к нашим попам кто-то прикрутил пружины.

— Нам некогда, — ответил я, заталкивая библиотечные книги в спортивную сумку.

— Мне нужно готовиться к суперсрочному сочинению, — сказал Жан А. — Завещаю свою жижу с комками... ну... в смысле... свой рисовый пудинг Жану В.

Ну и рожи скорчили тут средние! Они ведь не меньше нашего ненавидели домашний рисовый пудинг...

— А почему нам нельзя в библиотеку? — возмутился Жан Г.

— И не мечтайте, — сказали мы, — никаких средних в библиотеке.

— Я тозе поглосю книзки, — заныл Жан Д., который не выговаривает половину звуков. — Мозно я тозе записусь в библиотеку?

— И не мечтай, — снова сказали мы. — Шепелявых в библиотеку не пускают.

— К тому же ты ещё не умеешь читать, несчастный нул-люс, — засмеялся Жан А. и постучал Жана Д. по макушке.

— Только тронь ещё раз моего брата — и ты труп! — пригрозил Жан Г.

— И не думайте, что мы за вас уберём со стола, — предупредил Жан В.

— Ещё одно слово, — очень спокойным голосом произнесла мама, — и все до вечера просидят по своим комнатам.

— А как же моё сочинение по истории? — спросил Жан А., бледнея.

— А мой агент Ланжелло? — спросил я, тоже бледнея.

Мама вздохнула.

— Бегите, — сказала она. — Но больше я не стану горбатиться и готовить для вас вкусные десерты.

Мы были уже в прихожей и натягивали на ноги резиновые сапоги, когда мама вдруг окликнула Жана А.

— Кстати, а на какую тему это твоё суперсрочное сочинение?

Жан А. прикинулся глуховатым — он всегда так делает, когда его застанут врасплох.

— Чего? — переспросил он.

— Не «чего», а «что», — поправила мама, которая никогда не упускает возможности напомнить нам о хороших манерах.

— Сочинение-то? Ну, оно... э-э... оно о Наполеоне... то есть об этом... Рамзесе... Знаешь, такой египетский фараон.

— Ты как будто не очень в этом уверен, — заметила мама.

— Вот поэтому-то мне и надо в библиотеку, — затараторил Жан А. — Проверю там всё как следует.

Я подтолкнул его к выходу.

— Давай скорее! Сейчас все нужные книги разберут. До вечера, мама. Пока, редиски!

— Не сидите там слишком долго! — крикнула мама нам вслед.

Закрыв за нами дверь Жан В., весь зелёный от зависти. Он так яростно хлопнул дверью, что, конечно, разбудил малыша Жана Е.

Ждать лифта мы не могли — уж очень торопились, поэтому бежали с одиннадцатого этажа по лестнице, и вопли Жана Е. летели за нами до самого низа.

— Не хотел бы я сейчас оказаться на месте Жана В., — радостно крикнул Жан А., когда мы вылетели на улицу.

— Что на тебя нашло? — набросился я на него. — Чуть не испортил всё своей малограмотностью!

— Это ты про сочинение? Не волнуйся, мама ничего не заподозрила.

— Ну ты и дубина, — вздохнул я.

— А ну повтори, что сказал!

Мы шли по улице и толкали друг друга. А потом, когда убедились, что мама уже не увидит нас из окна, Жан А. сказал, потирая руки:

— Итак, начинаем операцию «Библиотека». Сверим часы.

Мы показали друг другу свои наручные часы и установили на них одинаковое время с точностью до минуты.

— Встречаемся на этом самом месте ровно в пять, — сказал Жан А. — Только смотри не опаздывай, понял?

— За кого ты меня принимаешь?! — возмутился я.

Ему не терпелось поскорее убежать, но я поймал его за рукав.

— А ты на самом деле куда?

— Я же тебе утром говорил... К Стефану.

Стефан — это лучший друг Жана А. Он тоже очкарик, тоже учит латынь и собирает марки — они с Жаном А. ими меняются.

— А что вы будете делать?

— Не твоё дело!

— Ну и достанется же тебе, если мама и папа узнают, что ты прогуливаешь библиотеку, — усмехнулся я.

Он пожал плечами.

— Стефану на день рождения подарили новую гоночную трассу «24 часа Ле-Мана»*. Необходимо, чтобы её испробовал профессионал.

— Это ради игры в машинки ты сделал себе такой аккуратный пробор посреди башки? — спросил я.

Жан А. тут же сделался красным, как помидор.

— Я? Ты сдурел?

Жан А. предпочёл бы отдать руку на отсечение, чем признаться, что влюблён в сестру Стефана.

— Да я даже не знал, что у него есть сестра, — стал отбиваться он. — Честное слово!

---

* Гонка под таким названием ежегодно проходит во Франции с 1923 года, её участники соревнуются не столько на скорость, сколько на выносливость. Гонка длится 24 часа, и за это время каждый должен уехать настолько далеко, насколько позволят его собственные силы и возможности его автомобиля. (Здесь и далее — примеч. пер.)

— А разве кто-то что-то сказал про сестру? Лично я ничего такого не говорил.

Тогда он закатил глаза к небу.

— Ладно, у меня есть дела поважнее, чем стоять тут и слушать бредни какого-то четвероклашки. Смотри, не забудь взять для меня каких-нибудь книжек... Только давай что-нибудь получше, чем в прошлый раз!

В прошлый четверг я выбрал для него «Экзамен по катехизису на пять!» и два тома «Правдивой истории Танга, маленького прокажённого».

Ну и рожу он скорчил, когда их увидел... Но поскольку папа похвалил его за такой разумный выбор, Жану А. пришлось прочитать всё это, чтобы папа мог обсудить с ним содержание.

Так ему и надо. Будет знать, как выезжать на моей доброте.

А я вот просто обожаю ходить в библиотеку.

Особенно когда погода стоит ужасная и дождь хлещет по стёклам. Залы в библиотеке огромные, и там всегда царит полумрак — из-за стеллажей, заставленных книгами, которые тянутся от пола до самого потолка. Можно подумать, что ты где-нибудь в подводном гроте или в «Наутилусе» у капитана Немо.

К тому же библиотека расположена прямо над булочной, и сюда доносится запах горячих бриошей и пирогов с сюрпризом, только-только вынутых из печи. Когда наступает время полдника, я прямо в обморок готов свалиться от голода — так там вкусно пахнет!

Часто, прежде чем подняться в библиотеку, я покупаю себе булочку с шоколадом или пирожок с яблоком и прячу на дно сумки.

«КАТЕГОРИЧЕСКИ ЗАПРЕЩАЕТСЯ ПИТЬ ИЛИ ЕСТЬ В ПОМЕЩЕНИИ БИБЛИОТЕКИ» — гласит табличка перед входом. Я сдаю библиотекарю прочитанные книги и бегу на второй этаж: мне кажется, будто на дне сумки у меня граната с выдернутой чекой.

В библиотеке разрешают брать не больше трёх книг в неделю, поэтому выбирать нужно очень тщательно. Я могу часами слоняться вдоль стеллажей с неудобно выгнутой шеей, чтобы читать названия на корешках.

Когда мне попадает что-нибудь интересное, я просматриваю краткое содержание на задней обложке:

«История ездовой собаки, которая заново одичала!»

«На дочь учёного совершенно покушение в жёлтой комнате... Потрясающе!»

«Неведомое морское чудовище гоняется за кораблями по всем морям земного шара... Класс!»

А вот находка ещё более ценная: книга из серии «Альфред Хичкок и три сыщика». Я ещё не читал эту часть, и к тому же её только-только вернул какой-то другой читатель!

Я хватаю все эти сокровища и, сгорая от нетерпения, бегу в самый дальний угол читального зала. Там устраиваюсь на диване и пробегаю глазами первые страницы — просто чтобы убедиться в том, что краткие описания на обложках не врут.

Но как же остановиться, когда Юпитер, Пит и Боб, трое юных сыщиков, пускаются в очередное расследование? Таинственный чемодан, который они купили на аукционе, похищен... И я, понятное дело, принимаюсь за следующую главу, а потом — за следующую, и следующую, и всё это время тайком жую пирожок с яблоком.

Мне кажется, что прошло минут десять, не больше. Но вдруг я подсказываю как ужаленный. Что? Почти пять? Скорее домой, ведь уже совсем вечер. Библиотека сейчас закроется, а я уже дочитал книгу и даже не заметил, как это произошло.

Я бегу и ставлю её обратно на полку, беру «Необычайные каникулы Мишеля», «Исчезнувших из Сент-Ажиля», «Агента Ланжело и шпионов» и несусь во весь опор к выходу... и только тут вспоминаю, что забыл выбрать книги для Жана А.

К счастью, рядом со столом библиотекаря сложены грудой книги, которые только что вернули, и их ещё не успели

разложить по полкам. Я наугад выхватываю из горы две штуки, протягиваю библиотекарю вместе со своими, чтобы она их зарегистрировала, и как сумасшедший вылетаю на улицу.

Я уже точно опоздал на нашу встречу, Жан А. будет в ярости.

— Ты совсем, что ли? — набросился он на меня, когда мы наконец встретились в тот четверг. — На часы посмотреть не пробовал? Знаешь, сколько я уже торчу под этим водопадом?

Он был весь мокрый и злой как собака. Нетрудно догадаться почему: или Стефан обошёл его в «24 часа Ле-Мана», или сестра Стефана за весь день ни слова ему не сказала.

— Из-за тебя у меня полные сапоги воды, — проворчал он. — Надеюсь, ты написал моё сочинение, иначе прощайся с жизнью!

— Твоё сочинение? Ты издеваешься? Может, мне ещё и по-сморгаться за тебя?

— Чего? Ты что, ничего не сделал? И как мне, по-твоему, теперь выкручиваться?

— Это твоя проблема, старичок.

— Ты хотя бы додумался взять для меня книг?

— Две штуки.

— Хороших?

— Закачаешься!

И мы со всех ног бросились в сторону дома.

В тот вечер операция «Библиотека» чуть было не провалилась.

Папа пришёл с работы раньше обычного, такое бывает очень редко. Когда мы открыли дверь, он как раз вешал телефонную трубку.

— Ну что, ребята, — спросил он, — интересно провели время в библиотеке?

— Просто класс, — ответили мы.

— Жан А., ты дописал сочинение?

Жан А. рухнул в кресло и изобразил на лице чрезвычайное утомление.

— Почти, — со вздохом произнёс он. — Ужас до чего тяжёлая работа...

— Хорошо, — сказал папа. — А то мама Стефана только что звонила.

Жан А. стал белым как труп. Можно было подумать, что он случайно проглотил градусник.

Младшие и средние будто почуяли, что надвигается катастрофа: они все сбежались в гостиную и, встав на безопасном расстоянии, наблюдали за нами и тихонько хихикали.

— Чья м-м-мама? — пробормотал Жан А.

— Мама Стефана, — повторил папа. — Ну, знаешь, твоего лучшего школьного товарища, у которого ты сегодня забыл куртку.

Папа говорил очень спокойным голосом, но по тому, как он скрестил руки на груди и покусывал изнутри щёку, было понятно, что его спокойствие — дело временное.

Я задержал дыхание. Этот недоумок Жан А. попался, и теперь из-за него нам обоим запретят ходить в библиотеку как минимум до совершеннолетия.

Повисла гнетущая тишина. И тут Жан А. стукнул себя кулаком в лоб, как будто у него только что случился мощный провал в памяти.

— Ну конечно! — воскликнул он. — Какой же я болван! Ведь мы со Стефаном пишем сочинение вместе, это парная работа, а в библиотеке было слишком шумно, ну и это... Мы с ним пошли заниматься к нему домой, чтобы нас никто не отвлекал.

Папа нахмурил лоб.

— Надо же... — сказал он. — А можно мне на него взглянуть, на это почти дописанное сочинение?

Жан А. раз-другой открыл рот — совсем как выброшенная на берег рыба — и наконец пролепетал:

— А оно... оно... осталось у Стефана. Ну, ему надо было... надо было... его аккуратно переписать на чистовик.

Папа повернулся к маме.

— Ну что ж, теперь всё объяснилось. Что скажешь, дорогая? Парная работа — это очень эффективный вид учёбы, не правда ли?

Мама как-то поморщилась... Похоже, она не собиралась так легко проглотить лапшу, которую Жан А. навешал на уши папе.

— Но ведь прежде чем отправиться на эту вашу парную работу к Стефану, ты был в библиотеке? Можно поинтересоваться, какие книги ты там взял? — спросила мама.

— О! Это две такие увлекательные книжки, я их давно ждал! — ответил Жан А. — Такая радость, что наконец-то они мне достались...

Он порылся в моей спортивной сумке и протянул книги маме.

— «Как я готовлюсь к Великому посту» и «Вводный курс древнегреческого языка»... В самом деле, очень увлекательно, — ошарашенно проговорила мама.

— Я поражён, дорогой Жан А., — сказал папа. — Надеюсь, дочитав эти книги, ты поделишься с нами впечатлениями и немного расскажешь об их содержании?

Жан А. соорудил на лице покорную улыбку.

— Видишь, дорогая, — заключил папа, — как я был прав, когда настоял на том, чтобы старшие записались в муниципальную библиотеку!

— Да, действительно, это было очень разумное решение, — ответила мама. — Может, теперь мы все наконец сядем за стол?

— С радостью, — сказал папа. — Там ещё осталось немного твоего восхитительного рисового пудинга?

— Я сберегла порцию старших, — сказала мама. — Мне было бы очень жаль, если бы они остались без десерта из-за того, что им приходится с таким усердием работать в библиотеке.

— Класс! — воскликнули хором мы с Жаном А. — Вот чего нам весь день не хватало, так это рисового пудинга!

Ух, как близки мы были к провалу...

Но в конечном итоге операция «Библиотека» была проведена мастерски, и мы вышли из этого сложного задания победителями.

Правда, по тому, как Жан А. швырнул на пол книги, когда мы вошли к себе в комнату, я понял, что ночью, сразу после отбоя, нас ждёт грандиозное сражение грязными носками.

Великолепная единица

Когда в семье шестеро мальчишек, трудно надеяться на спокойную минутку.

По утрам, когда Жан В. и Жан Г. спорят о том, кому принимать душ вторым, Жан Д. во всё горло тренируется произносить без шепелявости «Сэсть мысат в камысах сурсат», а Жан Е. вопит у себя в люльке, я всерьёз подумываю о том, что лучше было бы немедленно отправиться в интернат для детей военнослужащих, чем выносить всё это.

У нас в семье имя каждого ребёнка начинается на «Жан», и родители для удобства разделили нас на три группы: старшие, средние и младшие.

Старшие — это мы: Жан А. (самый скандальный член семьи, больше известный по прозвищу Жан-Аристократ) и я, Жан Б. (которого прозвали Жаном-Булкой из-за того, что я люблю вкусно поесть и щёки у меня из-за этого круглые).

Дальше идут средние: Жан В. (В. — потому что он «Витает в облаках и ничего не понимает») и Жан Г. (Гадский Гамадрил и Главная Головная боль наших родителей).

Ну и младшие — это Жан Д. (которого правильнее называть Зан Д., поскольку сам он может произнести своё имя только так) и самый младший Жан Е., Жан-Ёж или Жан-Енот (потому

что ростом он пока не столько с людьми, сколько с этих вот животных).

Мы с Жаном А. живём в одной комнате, у нас двухэтажная кровать и один письменный стол с двумя рабочими местами. Папа у нас мастер на все руки и сам спроектировал этот замечательный предмет мебели. Он покрыт лаком, как корабельный стол, и у него большие выдвижные ящики, которые так сильно забиты, что всё время заедают, когда пытаешься их выдвинуть.

В ящике стола я храню свою знаменитую тайную тетрадь. Она лежит на самом дне, под школьными принадлежностями, прикрытая старой вонючей физкультурной майкой, чтобы никто не посмел туда сунуться.

По вечерам, когда все уроки сделаны, я тайком достаю тетрадь, перьевую ручку, которую мне подарили на первое при­частие, и пишу роман.

— Чего ты там делаешь? — спрашивает Жан А.

— Ничего.

— Тебя что, наказали? Задали сто раз переписать предложение?

— Не лезь не в своё дело.

Жан А. пользуется тем, что в поисках вдохновения я при­крываю глаза, и пытается заглянуть ко мне в тетрадь. Он носит

очки, и со стороны, наверное, кажется, что это толстая сова сидит и подслеповато моргает у меня за спиной.

— Нарываешься на мой парализующий приёмчик? — ору я и грудью накрываю тетрадь, чтобы он не увидел, что там написано.

— Ой, как страшно! — веселится Жан А. — Боюсь-боюсь карлика-четвероклашку! Предупреждаю: если твой локоть хоть на миллиметр заползёт на *мой* письменный стол, ты труп!

— Если ты вдруг забыл, это и *мой* письменный стол тоже!

Я вижу, как он роется в своих ящиках, вынимает оттуда пачку бумаги, линейку и карандаши и начинает усиленно над чем-то трудиться.

— Ну, а ты чего там такое делаешь?

— Не лезь!

— Что ты рисуешь?

— Чертёж барьера под напряжением, — ворчит он и выводит на листе такие микроскопические вычисления, что получаются не цифры, а какие-то мушиные какашки. — С таким барьером каждый раз, когда ты полезешь на мою половину, тебя шархнет сто тысяч вольт прямо в сочленение локтевой и лучевой костей!

Вид у меня, должно быть, был ошеломлённый, потому что он, глядя на меня, чуть не упал от смеха.

— Это локоть, тупица! Ну ты вообще ничего не понимаешь в анатомии! Тебя, небось, даже в пятый класс не переведут...

Обычно именно в такие моменты средние решают заявиться к нам в комнату с какой-нибудь настольной игрой под мышкой.

— А что вы делаете? Может, поиграем в «Найди убийцу»?

— Даже не мечтайте! — дружно отзывается мы с Жаном А.

— Тогда, может, в карты? В «Русский банк» или в «Кости лежаца»?

Никак от них не отвяжешься... Мы с Жаном А., конечно, выходим из себя.

— А шнурки вам не погладить?

И тут начинается: они швыряют нам в лицо свои носки, и разворачивается настоящая бойня!

Ну вот как в таких условиях можно написать приключенческий роман?

Я начал его писать в тот день, когда мне было нечего читать. Как раз закончилась «Великолепная пятёрка на острове сокровищ» моей любимой писательницы Энид Блайтон, и нужно было ждать до следующего четверга, чтобы снова пойти в библиотеку. Я прямо места себе не находил, слонялся из угла в угол как неприкаянный. Казалось, лучшие друзья покинули меня и больше никогда не вернутся.

Джулиан, Дик и Энн — два брата и сестра, которые приезжают на каникулы к своей двоюродной сестре Джордж в Кирринкоттедж. Там они натываются на таинственный корабль, потерпевший крушение, и вместе с собакой Тимом принимают за расследование.

Если я когда-нибудь встречу джинна и он попросит меня загадать самое заветное желание, как в «Волшебной лампе Аладдина», ни секунды не буду сомневаться и отвечу ему: хочу стать членом Великолепной пятёрки!

Но, к сожалению, такие чудеса бывают только в книжках. Начать с того, что у меня нет сестры... А только пятеро братьев, и все такие зануды, что я бы скорее согласился на операцию по удалению аппендицита, чем на то, чтобы противостоять вместе с ними опасным преступникам. Нет у меня и двоюродной сестры, мечтающей стать мальчишкой, как Джордж из Великолепной пятёрки, а есть только кузены Фугасы, которые каждый год присылают нам по почте свою дурацкую одежду, которая им самим больше не нужна.

Когда я был в третьем классе, мы с моим лучшим другом Франсуа основали собственный клуб детективов. Мы сделали себе картонные удостоверения, завели баночки с невидимыми чернилами (лимонный сок, разведённый водой) и в результате

длительных тренировок прослыли настоящими мастерами слезки и приёмов самообороны.

Вот только, к сожалению, мы никогда не ездили на каникулы на необитаемый остров и нам никогда не попадалось тайн, которые стоило бы разгадывать. Единственным нашим расследованием были поиски потерянного блокнота Франсуа с тайными шифрами, но поскольку это его собака затащила блокнот под диван и там разодрала, расследование закончилось очень быстро и не принесло никакой радости.

Вот поэтому-то я и решил, что мне нужно самому начать писать книгу — и наконец-то прожить приключения, которые никогда не происходили со мной в реальной жизни.

Я написал три главы и как-то вечером, вернувшись домой с занятий по катехизису, обнаружил такую картину: Жан А. сидел и как ни в чём не бывало листал мою тайную тетрадь, закинув обе ноги на мою половину письменного стола.

Это было просто возмутительно! У него вздрагивали плечи, и он как-то странно клокотал и повизгивал, как будто бы прищемил язык застёжкой-молнией.

Я страшно разозлился.

— Ты что, совсем совесть потерял?

От неожиданности он подскочил и тут же спрыгнул со стула.

— А ну отдавай мой роман, а то я тебе сейчас устрою весёлый вечер! — прокричал я, белея от злости.

— Возьми его сам, раз такой герой! — сказал Жан А., размахивая тетрадкой над головой.

Я бросился на него, но он уже успел взгромоздиться на верхний ярус кровати и не давал мне туда подняться, тыкал в лицо ногами.

Один удар пришёлся мне прямо в нос. К счастью, Жан А. был без ботинок, но всё равно — искры у меня из глаз посыпались во все стороны!

Он воспользовался моей заминкой, чтобы устроиться поудобнее.

— Отдай мой роман! — заорал я.

— Роман! Не смешите меня! — прокричал он и расхохотался. — «Великолепная единица»? Ты у нас теперь, что ли, Энид Глуйтон или как там тебя?

Жан А. назвал имя автора неправильно, чтобы просто меня позлить: он прекрасно знал, что Энид Блайтон — моя любимая писательница.

— Нет, вы только послушайте! — объявил он и стал читать мою книгу вслух: «Жан Б., основатель и единственный член клуба „Великолепная единица“, был мальчиком с честным и открытым лицом. Из-за непокорной пряди волос, которая падала ему на лоб, вид у него был немного насмешливый...»

— *Насмешливый*, — поправил я. — Ты что, читать не умеешь?

— Это ты сам пишешь, как дубина! То есть ты у нас теперь, выходит, герой романа, да? Ты, нуллиус-четвероклашка?!

— Сейчас я тебе покажу нуллиуса-четвероклашку! — воскликнул я, заскакивая на кровать с другого края.

Я напрыгнул на Жана А. сверху, и мы стали кататься друг на друге как сумасшедшие. Кровать опасно зашаталась. Жан А. держал мой роман в вытянутой руке, чтобы я до него не дотянулся, и, не прерывая драки, продолжал читать вслух и извиваться от смеха.

— «...Нахмутив брови, невозмутимый Жан Б. склонился над пергаментом, исписанным балистическими знаками...»

— *Каббалистическими*, балда, — поправил я и хорошенько вмазал ему в ухо.

— «...Удастся ли юному сыщику-дзюдоисту, единственному сыну в семье, разгадать тайный шифр и освободить свою престелстную кузину?» — прочитал Жан А., прежде чем мне удалось наконец вырвать у него тетрадь.

Я спрыгнул на прикроватный коврик, довольный, что вернул своё.

К счастью, за исключением нескольких помятых страниц, тетрадка была цела и невредима.

— Ты ещё пожалеешь о содеянном, — пригрозил я брату. — Расплата будет страшной!

— Ну слушай, это же правда тупая история! — продолжал он веселиться. — Так ты, значит, теперь хочешь стать писателем? С секретным агентом покончено?

— С подлыми предателями не разговариваю, — ответил я.

— Во-первых, название у твоего романа идиотское! Что за «Великолепная единица»? Ты пишешь, что это название клуба, но клуб не может состоять из одного-единственного человека!

— Отстань!

— А что это за «непокорная прядь» на лбу у Жана Б.? Это ты, что ли, про свои уши, которые хлопают тебя по щекам?

— Если ты вдруг забыл, у тебя уши точно такие же!

Жан А. тоже спустился на пол.

— Нет, ну а если серьезно, удалось этому придурку Жану Б. освободить кузину?

— Тебе какое дело?

— А как её зовут?

— Отвали.

— Странное имя для героини романа, — загоготал он.

Но, похоже, он уже не так сильно горел желанием надо мной смеяться.

— Ладно, — проворчал Жан А., усаживаясь за свою половину стола. — Обещаю, больше пальцем не притронусь к твоему тупому роману. Но при одном условии: если ты мне расскажешь, что стало с девчонкой.

— С какой девчонкой?

— Ну с этой... «прелестной кузиной».

Я пожал плечами и запрятал тетрадь на дно ящика.

Если бы я был Жаном Б. из моего романа, то сейчас оглушил бы Жана А. мощным ударом и отправил за решётку к шайке преступников, которых обезвредил бы ещё в предыдущей главе.

Но мой роман потому и называется «Великолепная единица», чтобы можно было хоть в книге побыть наконец одному и над

душой не висели бы ни старший брат, ни средние, ни младшие, ни чересчур строгие родители.

— Тебе-то какое дело до того, что происходит в моей книге?

— Если расскажешь, что там дальше, я тебе отдам бесплатно все свои парные наклейки с футболистами.

— Ладно, — вздохнул я. — Его кузину зовут Фримусс.

Конечно, любопытство Жана А. мне льстило. Раз ему интересно узнать, чем закончится история, может, он ещё не совсем безнадежен?

— И кто же её похитил, эту самую Фримусс?

— Скажу, если отдашь мне брелок с Рин-Тин-Тином и набор марок про Олимпиаду.

Жан А. вздохнул и стал рыться в верхнем ящике своей половины стола.

— Ладно, — согласился он.

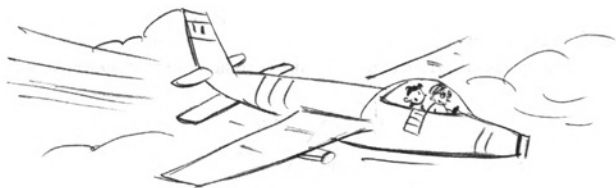
Я схватил брелок и марки и только после этого признался:

— Честно говоря, я пока и сам не знаю. То ли фальшивомонетчики, то ли глава мадьярской секретной службы...

— Что значит — ты пока сам не знаешь? А ну отдавай обратно мои марки!

— Что отдал, то потерял! — сказал я и быстро засунул конверт к себе под настольный коврик. — Придётся тебе подождать, пока я напишу продолжение.

Большой цирк

С того дня всякий раз, как я доставал тетрадь, чтобы писать роман, Жан А. меня больше и пальцем не трогал.

Я видел, как он поглядывает на меня, и нарочно хмурил брови, напускал на себя сосредоточенный вид и сосал колпачок ручки.

— Вон отсюда! — прикрикивал Жан А. на средних и младших, когда они пытались войти к нам в комнату. — Вы не видите, что он работает?

Однажды вечером Жан А. увидел, как я закрываю тетрадь, и спросил:

— Ну?

— Что — ну?

— Роман. Что там сейчас происходит?

— Ничего. Я забросил «Великолепную единицу».

— Как это? Ты совсем, что ли? А как же Фримусс? Неужели этот тупица Жан Б. оставил кузину на растерзание фальшивомонетчикам?!

— Я начал другой роман. Рассказать про что?

— Плевать мне на твой другой роман! Как он называется?

— «Патруль асов».

— Тупое название. И про что же он?

— Про мальчика и его лучшего товарища, которые служат в Королевском воздушном флоте.

— Бред какой. Это как в «Большом цирке» Пьера Клостермана?

Книгу Клостермана мы с Жаном А. обожали: в ней рассказывается, как на самом деле происходили воздушные сражения во время Второй мировой войны. Это дедушка Жан подарил «Большой цирк» Жану А. на десятилетие, и мы оба прочитали её уже раз по сто, не меньше.

— Вроде того. Только у меня главные герои — два парня из четвёртого класса, прирождённые лётчики. Они на своём «Спитфайре», гружённом целым складом боеприпасов, проделявают в воздухе настоящие акробатические трюки, что-бы обстрелять немецкие истребители.

— И что?

— Что «и что»?

— Что с ними дальше происходит? Чего я из тебя клещами каждое слово вытягиваю?

— Я думал, тебе плевать на мои книги...

— Конечно, плевать. А девчонки там у тебя есть?

— Есть. Лили, девочка-шпионка... Она притворяется командиром немецкого воздушного отряда, и, поскольку на лице у неё кожаная маска, никто ни о чём не догадывается.

---

* Пьер Клостерман (1921–2006) — французский военный лётчик и писатель, автор двух книг: «Большой цирк» и «Огни на небе».

— Вот чушь-то какая... А дальше что?

— Потом с неё срывают маску. Это делает подлец Фон А., начальник контрразведки. Прыщавый тип с оттопыренными ушами, который носит монокль...

— Монокль? — переспросил Жан А. — Вот такой?

Он снял очки, зажал глазницей филателистическую лупу и прыгнул ко мне на кровать.

— Йа-йа, — заговорил он, изображая немецкий акцент. — Я похищайт твой Лили, мерзкий французиш пилот! Я спрятайт её ф мой секретный пункер!

Я тут же включился в игру:

— Сейчас ты узнаешь, с кем связался, Фон А. Ну-ка пошёл прочь с моей кровати!

Я расставил руки, словно крылья, заревел, как пикирующий самолёт, и попытался осуществить нападение на врага, но был отброшен назад очередью грязных носков.

— Тебе больше никогда не увидают тфой фозлюбленный! — проревел Жан А.

— Лили? Что за ерунда! Она никакая мне не возлюбленная!

— Ну тогда я её целовайт в губи много часофф подряд! — воскликнул довольный Жан А. и сжал в объятиях мою подушку.

— Убери свои грязные лапы от моей героини! — прорычал я.

— Ни са што!

— Ну, Фон А., я предупредил! — крикнул я, и Жану А. пришлось пригнуться под шквалом ластиков, карандашей и обгрызенных шариковых ручек, которые я достал из его пенала.

— Не трогайт школьные принадлежность! Ферботен! Запрещайт!

От возмущения Жан А. выронил из глаза монокль, и я воспользовался этой заминкой, чтобы забросать его скомканными листками, которые выдрал из первой попавшейся под руку тетради.

— Ну что, Фон А., понял теперь, с кем связался? — хохотал я. — Сейчас я тебя поджарю, как франкфуртскую сосиску!

Именно в этот момент средним и младшим вздумалось к нам присоединиться.

— Что вы делаете? Можно мы тоже с вами подерёмся?

И началась кровавая бойня.

— Пощады не будет! — предупредил Жан А., на которого налетела яростная эскадра бомбардировщиков. — Кто ползет на верхний ярус, тот труп!

— Альфа Дельта, Альфа Дельта, как слышите? — протрещал Жан В., прикрывая рот ладонью, как будто у него там был передатчик.

— Отлично слышу вас! — ответил Жан Г. — За мной, парни! Зададим им жару!

Жан Д., на которого никто не обратил внимания, засел в за-
саде под столом и оттуда изображал гром канонады. Он нацепил на голову огромные лыжные очки двоюродных братьев Фугас и, если бы не свитер, который связала мама и который был ему сильно велик, его можно было бы принять за одного из авиационных асов из моей книги.

— Тра-та-та-та-та! Я тебя подбил, Зан В.! Лутсее попадание!

— По правому борту — шепелявый! — закричал Жан В. и в крутом вираже промчался мимо Жана Д.

— Я не сепелявый! — закричал Жан Д. — Это я просто так в тебя плююсь!

— Тогда получай по фонарю, верблюжина! — закричал Жан Г. и расстрелял его из своего пистолета с дротиками.

— Хотите настоящей битвы? — спросил я. — Вы уверены?

— Предупреждаю, — пригрозил подлый Фон А. из своего секретного бункера. — Школьные принадлежности не трогать, а то я вам покажу! Ферштейн?

— Яволь, майн генерал! — закричали мы все и бросились на него.

Только когда Капитан Папа внезапно заглянул в комнату, чтобы добиться всеобщего перемирия, я понял, что тетрадные листки, из которых производились снаряды для обстреливания Жана А., были вырваны из моей собственной секретной тетради.

Рукопись «Патруля асов» была погублена!

Ну и ладно...

Зато мы здорово повеселились, хоть нас за это и лишили на неопределённый срок бассейна и образовательных походов.

Всё равно эта история про лётчиков начинала мне надоедать.

Недавно у меня появилась блестящая идея для новой книги.

Названия я пока не придумал, но уже знал, о чём она будет: про мальчика из многодетной семьи, которого, как Робинзона Крузо, после крушения корабля выбрасывает волной на необитаемый остров.

Игра в слепого

Моё любимое время в Шербуре — зима.

Я обожаю, когда дни становятся короче: в половине пятого мы выходим из школы, а на улице уже темно.

Если вечером туман, до школы доносится с далёкого маяка мычание туманного горна. Как только звенит звонок, мы как сумасшедшие бросаемся на лестницу. Вместо того чтобы постоять у ворот и обменяться стеклянными шариками или поделиться прогнозами по поводу следующего дня чемпионата, все за считанные секунды разлетаются со школьного двора, потому что очень спешат поскорее оказаться дома.

Уличные фонари расплёскивают жёлтый свет, и город на глазах пустеет.

Ну и мы, конечно, не можем не воспользоваться такой возможностью. Стоит нам совсем немного отойти от школы, как Жан А. спрашивает:

— Может, сыграем в слепого?

Эту игру придумали мы с Франсуа после того, как прочитали «Слепого, который бросал пыль в глаза» из серии «Три сыщика». Иногда мы с ним играли в неё на переменах, и Жан А. видел, как нам было весело, и, понятное дело, тоже захотел попробовать.

— Хорошо, — сказал я. — Играем в слепого. Но только, чур, ты будешь поводырём.

— Я тебе что, собака?

— В прошлый раз я был поводырём. Хоть ты и жульничал.

— И правильно делал! Если бы я не открыл глаза, ты бы меня впечатал в столб!

Чтобы слепой в игре не жульничал, я придумал такое правило: тот, кто изображает слепого, поворачивает свою шапку-шлем задом наперёд. Шерстяные нитки намокают и приклеиваются к губам, но зато глаза надёжно закрыты.

— Готов? — спросил меня Жан А.

Он встал у меня за спиной, взялся за лямки ранца, подёргал за них, как будто проверяет надёжность руля, и изобразил работу мотора: «Дррыин! Дррыин!»

— Эй, полегче! — сказал я, снимая шапку-шлем. — Это тебе не ралли Монте-Карло!

— Ну как, нормально? — спросил он. — Ничего не видишь? Тогда вперёд, слепой!

Он подтолкнул меня, и это был сигнал, что мы отправляемся.

Вот ведь, правда, очень странно — идти по улице, когда ничего вокруг не видишь.

Сколько бы я ни тренировался двигаться в темноте по дому, чтобы отточить мастерство шпионажа, ходить вслепую по городу, среди машин и прохожих, — это совсем другое дело.

Поначалу от страха ноги подкашиваются. Делаешь шаг, и кажется, что сейчас полетишь вниз головой в какую-нибудь яму, споткнёшься о ступеньку или расквасишь нос об стену. Почва под ногами вдруг становится какой-то рыхлой, и ты идёшь и проваливаешься, как космонавт в невесомости.

Хоть мы и знаем наизусть дорогу к дому, с закрытыми глазами все ориентиры очень скоро теряются. Газетный ларёк мы уже прошли или ещё нет? А освещённые витрины универмага? Совершенно невозможно догадаться, где ты сейчас находишься.

От этого делается так страшно, что выдыхаешь с облегчением, когда обнаруживаешь, что наконецходишь в лифт.

Чтобы игра удалась, поводыр не должен издавать ни звука. Подсказывая, где повернуть, когда идти вперёд, а когда — остановиться, Жан А. надавливал на мой ранец — справа, слева, вверху или внизу.

— Эй! Ты вообще тут? — спросил я.

Слова, приглушённые шерстяным шлемом, прозвучали так, будто это говорю не я, а демон Бельфегор, которого мы видели в одной передаче по телевизору.

Ещё несколько шагов, и мы остановились: то ли на светофоре был красный, то ли нужно было пропустить людей. Совсем рядом прошипел автобус, я даже подпрыгнул от неожиданности.

— Жан А., ты тут?

Я похолодел от ужаса. Жан А. был вполне способен сбежать, просто так, для смеха, и оставить меня одного с завязанными глазами посреди перекрёстка.

Но тут он тихонько похлопал меня по спине, подсказывая, что можно двигаться дальше.

Уф! Ложная тревога! Мы снова пошли.

Кроме шлема, повёрнутого отверстием для лица назад, у этой игры есть ещё одно правило: труса, который выставляет вперёд руки, пусть даже не нарочно, немедленно дисквалифицируют. Жан А. от души этим пользуется: он без конца меняет направление, чтобы меня запутать, и подводит совсем близко к людям, так что мы каким-то чудом избегаем столкновения.

Однажды, когда слепого изображал Жан А., мы ради смеха зашли в кондитерскую.

— Два чупа-чупса, пожалуйста, — попросил я.

Увидев Жана А., продавец сделал очень странное лицо.

Мой брат стоял, не двигаясь и ничего не говоря, перед прилавком, лицо закрыто задней стороной шапки-шлема, а поверх шлема надеты очки, ведь Жан А. — очкарик. Если бы

у него вместо шлема лицо было замотано бинтами, его можно было бы принять за человека-невидимку.

— Что это случилось с твоим другом? — спросил у меня продавец.

— Он мне не друг, — сказал я. — Это мой старший брат. Он слепой от рождения.

— Боже! — проговорил продавец, поворачиваясь к Жану А. — Бедный мальчик...

— Бессмысленно с ним разговаривать, — сказал я. — Он глухонемой.

— Боже! — повторил продавец. — Вот уж не повезло так не повезло...

— И не говорите, — подтвердил я и уткнулся в свои монетки, чтобы не расхохотаться. — Он ведь вдобавок ко всему ещё и лопоухий.

— Знаешь что, малыш? — сказал торговец и зачерпнул горсть леденцов из вазы, стоящей на прилавке. — Раздели эти конфеты на двоих с братом. Это вам от меня.

— О, спасибо, месье! — сказал я. — Это очень мило с вашей стороны.

Я взял Жана А. за портфель, и мы вышли из лавки. За первым же поворотом мы расхохотались так, что чуть не попадали.

Отдышавшись, Жан А. спросил:

— Ты что, больной? Мы же туда теперь из-за твоих дебильных шуток никогда не сможем зайти!

— Ага, если тебе не нужны чупа-чупсы, я их беру себе!

— Ещё чего! Давай лучше теперь поменяемся: до дома ты будешь слепым.

— А как же я буду сосать чупа-чупс, если рот закрыт шлемом? — запротестовал я.

— Ну, оставишь на потом... Как все свои запасы, которые ты хранишь под матрасом и ешь тайком, пока я сплю.

— Вообще-то ты прав, — сказал я. — Только не рассчитывай, что я с тобой ночью поделюсь!

Мы поменялись ролями и пошли дальше, причём довольно быстро: мы уже сильно опаздывали и боялись, что нам влетит от мамы.

В какой-то момент мне показалось, будто сквозь шерсть шлема до меня доносится лёгкий аромат вафель. Наверное, это пахло из блинной, расположенной совсем недалеко от нашего дома.

— Почти пришли? — спросил я.

Жан А. не ответил. Мы двигались дальше и всё время куда-то сворачивали — то вправо, то влево, так что у меня даже голова закружилась.

— Эй, ты нарочно идёшь в обход? — проворчал я.

Мне показалось, что хлопнули какие-то двери, и шаги мои стали звучать неожиданно гулко — интересно, мы уже вошли в дом?

Жан А. вдруг резко дёрнул меня за портфель, и мы остановились.

— Пришли? — спросил я. — Можно снимать шлем?

Мне никто не отвечал.

Терпение у меня лопнуло. Я снял шлем и закричал.

Вокруг было совершенно темно.

Я потёр глаза. Но это не помогло.

Я ничего не видел.

Мне вдруг вспомнилось, какое недовольное лицо было у мамы, когда она увидела, как мы с Жаном А. на ощупь ходим по столовой и страшно веселимся каждый раз, когда кто-нибудь из нас натывается на стул.

— Нехорошо смеяться над чужой бедой, — сказала она тогда. — К тому же запомните, вы оба, что нужно говорить не «слепой», а «слабовидящий».

Понятное дело, мы тогда пропустили её слова мимо ушей, а теперь из-за того, что притворялся слепым, я и в самом деле ослеп!

Я чуть не разрыдался, вспомнив о своей серии «Зелёная библиотека» и «Ежегодных журналах». Мне больше уже никогда ничего не прочесть. Придётся отдать все книги Франсуа и до

конца своих дней ходить с белой тростью и в чёрных очках — как «Слепой, который бросал пыль в глаза» из «Трёх сыщиков».

Вдруг раздался щелчок автоматического выключателя света, и я даже подпрыгнул от неожиданности. Прямо над моей головой вспыхнула лампа, и Жан А. оказался у меня перед носом: он стоял и грыз палочку от своего чупа-чупса.

— Ну что, тупица, догадываешься, где ты?

Я был так рад, что снова вижу свет! Если бы передо мной был не мой старший брат, я бы его сейчас расцеловал.

— Почему мы в подвале? Ты всё-таки псих, Жан А.!

— Здорово я тебя провёл, а? Ты что, даже не заметил, как мы шли через гаражи?

— У меня же глаза были закрыты, как я, по-твоему, мог что-нибудь заметить? Я же не жульничаю, в отличие от некоторых!

— Не советую тебе становиться разведчиком, Жан Б. В иностранстве ты ориентируешься примерно как дерево дуб!

— А ну повтори, что ты сказал! — пригрозил я.

— Ой, помогите, боюсь-боюсь слепого! — закричал Жан А., корча испуганную рожу.

Но мы уже и без того сильно опаздывали и бросились к лифту, чтобы успеть домой раньше, чем мама решит нас убить.

Через несколько дней, когда мы вышли из школы, улицы были все белые.

Наверное, снег шёл уже довольно долго. На крышах лежали белые шерстяные ковры, а в воздухе кружили снежинки, такие большущие, будто где-то наверху великаны затеяли подушечный бой.

Было очень холодно, но мы от волнения и восторга этого даже не заметили.

— Сыграем опять в твою игру? — спросил Жан А., когда мы встретились у ворот, чтобы вместе идти домой. — Со снегом, наверное, будет ещё лучше!

- Ты про игру в слабовидящего? Нет, спасибо.
- Почему?
- Потому что нехорошо смеяться над чужой бедой, — сказал я. — Вот почему.
- Да ладно тебе! — ухмыльнулся Жан А. и ртом поймал снежинку. — Ты прямо как мама...
- Мне не хочется, и всё тут.
- Но ведь снег идёт! И мы что, просто пойдём домой, как два идиота, и ни во что не поиграем по дороге?
- Ну ладно, — сказал я. — Можно сыграть в «Море волнуется, пук!»
- Это моё предложение его рассмешило.
- Мы с тобой что, девчонки, чтобы в такое играть? Лучше давай в «Тише едешь — дальше будешь, пук!»
- Или в «Пук-пук-выручай!»
- Ладно, давай в эту!
- Мы затянули потуже лямки на ранцах и помчались домой — с дикими воплями и забрасывая друг друга снежками.

Как-то утром, когда мама пошла в ванную купать Жана Е., папа собрал нас всех в гостиной.

— Закрой дверь, Жан В., — скомандовал он.

Мы с Жаном А. с беспокойством переглянулись. Неужели продавец леденцов на нас всё-таки пожаловался? Жан Г. тоже стоял как на иголках. Вчера они дрались с Жаном Д. и разбили стеклянную крышку маслёнки. Чтобы избежать наказания, они убрали маслёнку в холодильник, но поставили на самую верхнюю полку и очень неустойчиво — она там еле-еле держалась. Они всё здорово рассчитали: когда мама открыла холодильник, собираясь готовить обед, маслёнка вылетела оттуда, упала на плиточный пол и разбилась вдребезги.

— Господа, что-то не так? — спросил папа.

— Нет-нет, всё в порядке, — пробормотали мы все хором.

— Тогда почему у вас такие похоронные лица? — поинтересовался он.

— Нет-нет, нормальные лица, — заверили мы его.

— Это хорошо, — сказал папа. — Ну что, никак не можете догадаться, зачем я вас всех здесь собрал?

— Наверное, чтобы всыпать нам по первое число? — предположил Жан В.

Вид у него при этом был такой, что сразу было ясно: он тоже натворил что-то такое, за что заслуживает наказания.

— Вовсе не для этого, — сказал папа и наклонился к нам с видом заговорщика. — А из-за того, что в следующее воскресенье большой праздник — День матери!

Мы все выпучили глаза от удивления.

— Вы же не забыли про это, правда? — забеспокоился папа.

— День матери? Да, конечно, мы прекрасно помним! — воскликнули мы.

— Правда, мы ещё пока только на старте, — добавил Жан А.

А на самом деле все напрочь забыли про этот праздник.

Конечно, не про День матери, а про то, что он уже через неделю. Я ведь даже отметил дату на рекламном календаре команды Франции по регби, который висел у меня над столом. Но время пролетело так быстро, что это число совершенно вылетело у нас из головы.

— Все уже придумали, что подарить маме? — спросил папа.

Жан Г. с энтузиазмом кивнул:

— Новую небьющуюся маслѐнку!

— Маслѐнку? — проговорил папа, которому эта мысль, похоже, не слишком понравилась.

— Кулинарную книгу, — предложил Жан В., — с рецептом пюре без комочков.

— Даже не знаю... — пробормотал папа и с надеждой повернулся к Жану Д. — А ты, малыш?

— Золтый сарфик и засминовый мусс для дуса, — гордо прошепелявил Жан Д.

— Боюсь, твоих карманных денег на это может не хватить, — заметил папа.

— Да уж, если учесть, как мало нам их дают... — пробормотал Жан А.

— Что-что? — переспросил папа.

— Ничего-ничего.

Но вообще-то Жан А. был прав в том, что касалось карманных денег. На то, что дают нам папа и мама, можно купить разве что журнал с картинками и горсть ирисок... А поскольку каждый год приходится покупать семь подарков на день рождения, а ещё подарки на Рождество и на наши общие именины в день святого Жана, то карманные деньги у нас в каждом месяце заканчиваются, даже не успев толком начаться.

День матери пришёлся как нельзя более некстати: я как раз потратил все свои сбережения, чтобы купить игральные кости и такую же двенадцатицветную ручку, как у Франсуа.

— Мозет, мне хватит хотя бы на носовой платок и кусочек мыла? — разочарованно прошепелявил Жан Д.

— А мне — на маслёнку из пластмассы? — спросил Жан Г.

Папа нас подбодрил:

— Запомните, ребята, ценность подарка измеряется не его стоимостью. Простой рисунок, слова поздравления и проявленное внимание, если дарить их от всего сердца, любой маме будут в тысячу раз дороже, чем самый дорогой в мире шейный платок. Я уверен, вы все придумаете что-нибудь такое, чтобы сделать этот день незабываемым. Договорились, мои дорогие Жаны?

Мы всю неделю скрипели мозгами и искали решение.

Ну вот как понять, что по-настоящему порадует маму? Особенно когда за душой у нас ни единого су?

Наконец выход всё-таки был найден — и нашёл его я.

Это была совершенно гениальная идея, Жан А. даже разозлился, что не ему первому она пришла в голову.

Мы не стали ничего говорить папе, чтобы это был сюрприз для обоих родителей сразу. Когда настало утро воскресенья, мы все вскочили с постелей очень рано, причесались растопыренными пальцами и ввалились в кухню, в пижамах и носках, чтобы не топтать тапками.

— Думаешь, ей понравится? — забеспокоился Жан Г.

— Точно понравится! — ответил я. — Она будет в восторге. Минутой позже мы уже стучались в дверь спальни.

— Что за... что такое? — пробубнил кто-то сквозь сон. Это был папа.

Мы постучали ещё раз.

— Входите! — наконец сказала мама сонным голосом.

Ну и удивилась же она, когда увидела на пороге нас всех пятерых!

Нести поднос мы доверили Жану Д., хоть руки у него и были для этого коротковаты. А мы все шли вереницей за ним, выстроившись от младшего к старшему.

Папа сел в постели.

— Что за... что такое? — снова спросил он. — Эпидемия свинки? Землетрясение?

Волосы у него топорщились во все стороны — казалось, он провёл ночь в барабане стиральной машины.

— С праздником, мама! — закричали мы все хором.

Мама изумлённо заморгала.

— С праздником? А какой сегодня день?

— Воскресенье, моя дорогая, — сообщил ей папа, хватая часы с прикроватной тумбочки. — Ровно без пяти минут семь.

Не давая маме опомниться от удивления, Жан А. откашлялся.

— Поскольку сегодня твой праздник, мама, — объявил он, — мы решили, что сегодня ты не будешь делать никакой домашней работы. Мы все дела возьмём на себя.

— И стобы нацать праздник... — провозгласил Жан Д. — Завтрак в постель!

— Завтрак в постель? — переспросила мама, глядя, как Жан Д. ставит ей на колени поднос. — Какая замечательная идея, мои дорогие. Но я ведь не больна...

— И мы вовсе не намерены полдня проваляться в постели, — проговорил папа, который никак не мог прийти в себя от нашего потрясающего сюрприза.

— В меню, — провозгласил Жан В., — горелые сухари, сок из носков и ананас из коробочки.

— Он хотел сказать поджаренный хлеб, кофе из фильтра и свежие фрукты, — перевёл я.

— Как приятно, — сказала мама. — Правда, дорогой?

— Незабываемо, — поддержал её папа, в последний момент подхватывая стакан апельсинового сока, который ему вручал Жан Г. — Кому принадлежит эта восхитительная идея?

— Мне, — сказал я. — Ну то есть нам. Всем шестерым.

Тут Жан В. хлопнул себя по лбу.

— А как же Жан Е.? Вот ужас, про него-то мы забыли!

— Не думаю, что... — начал было папа.

Но Жан В. уже убежал. Нельзя оставлять Жана Е. не у дел! Без него праздник будет неполным.

Мы взбили подушки у мамы под спиной, встали вокруг кровати и стали смотреть, как родители едят. При этом мы улыбались как сумасшедшие — мы были ужасно горды собой и своим сюрпризом.

— М-м-м, — снова и снова повторяла мама. — Какой прекрасный завтрак! Правда, дорогой?

— Да-да, — отвечал папа.

Но, похоже, из-за того, что мы разевали рты каждый раз, когда они вгрызались в ломтик хлеба, аппетит у них немного испортился.

После завтрака мы отвели папу и маму в гостиную и усадили их на диван, а сами принялись хлопотать по хозяйству.

— Бетховен? «Медведь Коларгол»? Жильбер Беко? — спрашивал Жан В., роясь в папиных пластинках. — Кого бы тебе хотелось послушать, мама?

Проигрыватель пришлось врубить на полную катушку, потому что Жан Г. включил пылесос, а мы с Жаном А. на кухне мыли посуду и дрались.

Наша мама очень не любит ходить по дому в халате. Она так привыкла сама делать все домашние дела, что у неё был немного потерянный вид, когда мы вокруг неё хлопотали.

— Вы уверены, что вам не нужна помощь? — спрашивала она.

— Нет-нет, — отвечали мы. — У нас всё под контролем!

— Хм, — удивлялся папа. — Где-то я уже слышал эту фразу...

Потом Жан В. и Жан Г. начали спорить, кто будет готовить для мамы ванну с пеной, и, конечно, пошло-поехало. Началась драка.

— Первый, кто испортит праздник, будет немедленно отправлен в интернат для детей военнослужащих, — предупредил Жан А.

— Хм, — заметила мама. — Где-то я уже слышала эту фразу...

Обычно по утрам в воскресенье мы все идём в церковь на службу. Но поскольку мы терпеть этого не можем и к тому же нам ещё надо было приготовить обед, мы выставили маму и папу за дверь, как только они оделись.

— Даже не думайте вернуться до того, как у нас всё будет готово! — пригрозил я.

Папа вздохнул.

— Пойдём, дорогая, — сказал он. — В конце концов, что может быть лучше прогулки на свежем воздухе! Нагуляем себе аппетит, пока эти чудовища разнесут нам прихожую.

— Дорогой! — возмутилась мама.

— Эм... То есть я хотел сказать, пока наши мальчики приведут дом в порядок, — поправился папа.

Мы по очереди стояли на страже у кухонного окна. На улице шёл страшный ливень, поэтому папа и мама нагуляли аппетит практически сразу: они успели только несколько раз пройти туда-сюда по парковке, тесно прижавшись друг к другу под зонтом.

Когда родители поднялись на наш этаж, с них потоками стекала вода. Они глазам своим не поверили, когда увидели, какое великолепное угощение их ожидает.

— Литры газировки!

— Бутербродики с сёмгой!

— Оливки без косточек!

— Тарелка окаменелостей!

— Это не окаменелости, — поправил я сердито. — Это пирожки с сыром, просто слегка пережаренные.

Это наше любимое блюдо, и я непременно хотел его приготовить. Но маленькие сырные шарики так сильно прилипли

к противню, что пришлось откапывать в папином ящике с инструментами скребок, чтобы их отодрать.

Жан Г. украсил стаканы бумажными салфетками, Жан В. сделал гирлянды из гофрированной бумаги, и повсюду в маленьких баночках горели остатки именинных свечек.

— Молодцы, — похвалила мама. — Но вы уверены, что это хорошая мысль — набивать живот до обеда?

— Да ладно тебе, дорогая, — сказал папа, наливая себе немного виски. — Ведь не каждый день мы празднуем День матери.

А потом Жан Д. захотел прочитать стихотворение, которое выучил по этому поводу:

Слусайте: ангелы
Бьют в барабаны
В честь самой луцсей на свете мамы...

Хорошо, что мы не успели найти дудочку Жана Г. (мы очень кстати засунули её под кровать). А поскольку его запланированное выступление не состоялось, мы все вместо этого спели «Поздравим маму!» на мотив футбольной кричалки «Вперёд, французы!».

Потом папа чуть не сломал себе зуб, когда пытался откусить кусочек сырного пирожка, а после этого мы подарили маме рисунки, сделанные на полосках бумаги для электроэнцефалограммы, которые папа приносит нам из больницы.

— Меня ещё никогда так не баловали, — сказала мама и улыбнулась широко-широко.

Но больше всего, я думаю, её впечатлил торжественный обед. Это был суперобед, как в настоящем ресторане.

На закуску мы подали сардины в масле. В качестве основного блюда Жан А. приготовил свой фирменный номер: равиоли из коробочки, запечённые в сыре. А на десерт мы открыли семейное ведёрко орехового крема «Монблан», и Жан В. украсил его завитушками из взбитых сливок.

— Ну просто пир на весь мир! — сказала мама.

— Повара высшего класса! — добавил папа, который со времён своего знаменитого омлета с сахаром считается в нашей семье главным специалистом по десертам.

— Хотите ещё? — предложил Жан В.

— Непременно, — сказал папа. — А ты, дорогая?

— Ну разве что ложечку, — проговорила мама, с трудом переводя дух.

Но в этот момент Жану Е. взбрело в голову повопить. Он так притих в своей кровати, что мы про него совсем забыли.

— Пора его кормить, — сказала мама, вставая из-за стола. — Пойду, подогрею бутылочку.

Но тут мы все как по команде вскочили со стульев.

— Нет-нет, сиди! Сегодня ты ничего не должна делать!

Хотя вот тут мы немного прокололись... Мы сто раз видели, как мама греет молоко для Жана Е., но понятия не имели, с чего надо начинать.

Пришлось всё-таки обратиться за помощью. Хорошо, что папа у нас такой большой специалист во всём.

— Ну что ж, — сказал он, присоединившись к нам на кухне, пока мама спокойно пила кофе в гостиной. — Ничего сложного тут нет. Совсем необязательно тревожить маму из-за такой ерунды. Дорогая, где у нас стоит молочная смесь?

— В шкафчике над раковиной, — крикнула мама.

— Хорошо. Будем всё делать по науке. Нужно просто прочитать на упаковке, какие требуются пропорции... Ну-ка посмотрим... Эм-м... Двадцать миллилитров — это у нас будет... Дорогая, сколько нужно наливать воды?

— До верхней отметки! — крикнула мама.

— До верхней отметки... — пробормотал папа, осматривая со всех сторон кастрюльку. — Какой ещё верхней отметки?

— На бутылочке! — объяснил Жан А. — Молоко нужно готовить из смеси прямо там, в бутылочке!

Папа посмотрел на него, приподняв одну бровь.

— Молодой человек, я именно это и собирался делать.

Но, наверное, папа плохо приделал соску: когда он встряхнул бутылочкой, кухню окатило молоком, как из гейзера.

Папа ужасно выругался, и Жан Е. завопил пуще прежнего.

— Попадись мне этот чёртов производитель сосок, он бы меня попробовал молочной смеси!

— Вы там точно без меня справитесь? — спросила мама из гостиной.

— Конечно, дорогая! Отдыхай, — крикнул в ответ папа. — Если бы меня не отвлекали каждую минуту...

Он начал всё заново, и на этот раз соска удержалась на бутылочке.

— Вот и все дела! — гордо произнёс он, поворачиваясь к нам. — Учитесь, ребята. Теперь-то этот маленький крикун у нас наконец утихнет!

— Папа, — сказал я, — а ведь его сначала надо подогреть.

— Кого подогреть? Жана Е.? — рассеянно уточнил папа.

— Нет, молоко подогреть.

— А, ну это понятно, — сказал папа, который начал терять своё легендарное терпение. — Меня что, родные дети принимают за идиота?

Он явно понятия не имел, что нужно делать дальше.

— На водяной бане, дорогой! — подсказала из гостиной мама, она к тому времени уже взяла Жана Е. на руки, чтобы немного его успокоить.

— Ну ясное дело, на водяной бане, на чём же ещё, — согласился папа. Похоже, он впервые в жизни слышал про такое.

— Это значит — в кастрюльке с горячей водой, — подсказал Жан А.

Папа метнул в него яростный взгляд.

— Ты забываешь, мой дорогой сын, что имеешь дело с опытным медицинским работником. Да будет тебе известно, что младенческий организм способен усвоить молоко, только если оно разогрето до оптимальной температуры, начиная от... эм-м... ну вот примерно...

— Три минуты на медленном огне! — крикнула мама из гостиной.

— Я именно это и хотел сказать, дорогая! — отозвался папа.

Когда бутылочка была наконец подогрета, папа заговорщически нам подмигнул.

— Отличная работа, ребята. Женщины вечно раздувают из всего настоящую трагедию, но когда подходишь к делу со знанием дела и слаженной командой, то забота о младенце — сущий пустяк!

И мы все были с ним согласны.

А чтобы мама и дальше могла отдыхать, покормить Жана Е. из бутылочки взялся Жан В. Но только когда дело дошло до сменного подгузника после еды, мы все как-то сникли.

— Добровольцы есть? — спросил папа.

Первым сориентировался Жан А.

— Чур, не я, я готовил равиоли.

— А я подавал завтрак, — пропищал Жан Д.

Жан В. позеленел и закрыл ладонью нос и рот, а Жан Г. был для этой задачи маловат. Что же до меня, то я очень вовремя сбежал на кухню, чтобы вытирать с пола расплескавшееся молоко.

— Ничего, я сама, — сказала мама.

— Нет-нет, — запротестовали все хором. — В День матери ты должна только отдыхать и больше ничего не делать!

В итоге за дело взялся папа.

Его голос доносился до нас из комнаты Жана Е. — они оба кричали кто во что горазд. Папа орал: «Ну только попадись мне продавец, всучивший нам эти английские булавки, которые не желают застёгиваться, я уж ему покажу, что такое мекнуть подгузник!»

Когда папа вернулся, вид у него был ужасно несчастный. Он отхлебнул остывшего кофе и поморщился.

— Ты считаешь, это нормально, дорогая? В подгузнике у этого младенца больше содержимого, чем в бутылочке...

Мама расхохоталась.

— Это ведь ты у нас врач, а не я!

А потом она повернулась к нам.

— Идите-ка, я вас обниму, мои милые дети. Благодаря вам я провела восхитительный День матери. Надо бы нам почаще меняться ролями. Как ты считаешь, дорогой? Наши мальчишки, оказывается, прекрасно умеют управляться с домашними делами!

— Это у них от отца, — с гордостью произнёс папа. — Что уж там скромничать...

Вдруг он изменился в лице и вскочил на ноги.

— Чёрт возьми! Чуть не забыл!

Не обращая внимания на мамин озадаченный вид, он семимильными шагами бросился к входной двери и выбежал на лестничную площадку. Мы услышали, как он роется в шкафчике

с электросчётчиками, а когда он вернулся, в руках у него был огромный букет цветов.

— Они у меня там были спрятаны, — объяснил он, протягивая цветы маме. — С праздником, дорогая!

— Пионы! — восхитилась мама, вдыхая аромат букета. — Мои любимые! Но зачем же ты...

Папа смущённо улыбнулся.

— Я хотел поздравить тебя с тем, что твои шестеро сыновей такие... такие... ну, как бы...

Он никак не мог подобрать нужного слова, поэтому мама подсказала:

— Такие внимательные?

— Такие классные повара? — предложил Жан В.

— Такие послушные? — прошепелявил Жан Д.

— Такие воспитанные? — спросил Жан Г.

— Такие многочисленные? — сказал я.

— Такие умеющие жить без телевизора? — проворчал Жан А.

— Да, всего вот этого понемножку, — согласился папа, немного подумав. — Я как раз так и собирался сказать.

Жан Г. воспользовался всеобщим волнением, чтобы тайком сгрызть кусок сахара, который макнул в папин холодный кофе.

— А что, если сейчас, для полного счастья, всем очистить помещение... ну, в смысле... разойтись по своим комнатам и посидеть там до вечера? — предложил папа, подхватывая на ходу чашку.

Нас не пришлось долго упрашивать.

День матери получился что надо! Только теперь мы точно знали, что на День отца нам придётся придумать что-нибудь другое.

Потому что вообще-то это ужасно выматывает — делать всё вместо родителей! Если подумать, это даже утомительнее, чем ходить в школу.

Кашкилы на дереве

Самое лучшее в дедушке Жане — то, что у него в сумке всегда есть для нас какой-нибудь сюрприз.

Спустя некоторое время после рождения Жана Е. дедушка предложил нашей маме:

— Что, если тебе отправить старших на несколько дней к нам?

У дедушки Жана и бабушки Жанетт есть старый деревенский дом. Мы обожаем туда ездить, хоть и приходится идти на поводу у бабушки, которой вечно хочется, чтобы все были аккуратно причёсаны и мылись не реже, чем раз в сутки.

— Отличная мысль! — воскликнул папа. — На сколько угодно дней!

Мы с Жаном А. были в восторге.

— Только нас, старших? Спасибо, дорогой дедуля!

— Четверых старших, — уточнил дедушка Жан. — Чтобы вашей маме как следует отдохнуть.

Жан А. чуть не поперхнулся.

— Вообще-то в нашей семье есть только один старший сын, и это я!

— Что-что? — переспросил папа. — Ты что-то сказал, Жан Старший сын?

— Нет-нет, ничего, — пробормотал Жан А.

— Нет, ну правда, — возмутился я. — Ведь средние — они не старшие, а всего лишь средние! Почему мы должны вечно всюду таскать их за собой?

— А я? — захныкал Жан Д. — Я сто, хузе других?

— У меня в машине не хватит места для вас пятерых, — объяснил дедушка Жан. — Но зато пока твоих братьев не будет дома, ты здесь останешься за старшего сына.

— Правда? — спросил Жан Д. и задрал нос от гордости. — Я смогу говорить плохие слова и всеми командовать, как Зан А.?

— Дедушка не это имел в виду, — возразила мама.

— Если этот шепелявый ещё раз скажет, что он похож на меня, — пригрозил Жан А., — я немедленно выписываюсь из этой семьи.

— Отличная мысль, — похвалил папа. — Думаю, что в интернате для детей военнотружеников ещё есть несколько свободных мест. Напомни, чтобы я туда позвонил.

Но папа был так рад, что четверо его старших детей уезжают на целую долгую неделю, что не стал воплощать в жизнь свою угрозу.

Когда на следующий день мы въехали в ворота Сен-Вивьена в дедушкином жёлтом «Рено-4», нас ждал невероятный сюрприз.

На огромном каштане, растущем прямо перед домом, дедушка Жан построил нам дом.

И не какой-нибудь там шалаш из трухлявых веток вроде того, что мы потом как-то сами смастерили себе на холме у Кастанов. Нет. Это был настоящий дом из брёвен, размером с садовый сарай, и у него были настоящие пол и крыша, а располагался он высоко — там, где дерево разветвляется.

Мы застыли перед каштаном с разинутыми ртами, и дедушка Жан спросил, лукаво подмигивая:

— Ну? Как вам мой сюрпризик?

Первым обрёл дар речи Жан Г.:

— Это для нас? Нам разрешается туда забираться?

— Ну конечно. Там внутри почти все современные удобства: люк для входа, одеяло для пикника, бинокль...

— Может, ещё и телевизор? — спросил Жан А., который не верил собственным ушам.

— Ну нет, телевизор — это было бы уж слишком, — сказал дедушка Жан.

— А можно мы прямо сейчас туда залезем? — с надеждой спросил Жан В.

— Завтра, — ответил дедушка, потому что увидел на крыльце сияющую от радости бабушку Жанетт. — Бабушка вас заждалась. Бегите в свои спальни, умойте физиономии и главное — ни слова о килограммах конфет, которыми вы набивали животы по дороге сюда. Я могу на вас рассчитывать?

— Всегда к вашим услугам, дедушка Жан! — крикнули мы хором и отдали честь.

На следующее утро мы вскочили ни свет ни заря и сразу же бросились к дому на дереве.

— Кто не почистил зубы? — крикнула нам в окно бабушка Жанетт, размахивая в воздухе абсолютно сухими щётками.

Но её никто не слушал. Мы даже не успели окончательно проснуться, только нацепили шорты и сандалии и оставили включённой воду в ванной, чтобы можно было подумать, что мы там моемся, а потом со скоростью света проглотили завтрак.

Ведь нельзя терять ни секунды, когда тебе предстоит исследовать новый дом на дереве!

— Ну и вышотища! — проговорил Жан В., топчась у основания каштана. — Как мы туда залезем?

— Вот как, дубина! — расхохотался Жан А. и ухватился за верёвку с узлами, которая свисала из люка, проделанного в полу дома. — Кто залезет последним, тот дохляк!

Жан А. — худший в мире лазатель по верёвкам с узлами. Он болтался туда-сюда, дрыгал ногами и пытался подтянуться,

но всё напрасно: ему не удалось продвинуться вверх ни на сантиметр.

— Пропусти профессионала! — сказал я и столкнул его с верёвки.

— Это всё из-за сандалий! — стал оправдываться Жан А. — Обычно-то я залезаю даже без рук.

Он оказался прав насчёт сандалий. Подошвы скользили по узлам, и, не будь у меня железобетонных бицепсов и десяти лет шпионского опыта за плечами, я бы ни за что не забрался по этой верёвке.

Средние вскарабкались на дерево вслед за мной, потом мы дружно втащили в люк Жана А. — он был весь мокрый, а очки перекосились и сползли на лоб.

— Хорошо, что за тобой не гнался тигр-людоед, — пошутил я. — У него было бы сколько угодно времени, чтобы отгрызть тебе задницу!

— Бом! — ответил мне череп Жана А.

Крыша тут была не очень высокая, и приходилось передвигаться на корточках, если в твои планы не входило поминутно биться головой о потолок.

— Я беру на себя командование крепостью, — немедленно объявил Жан А., усаживаясь по-турецки в самом удобном углу дома. — А вы, остальные, обеспечьте нам надёжный караул.

Мы чувствовали себя птицами в высоком скворечнике. Одной стены у нашего скворечника не было, и оттуда открывался вид на дом, небольшой лесок позади него и бескрайние поля.

— Часовые, стройся! — проорал Жан А.

— Всё спокойно, командир, — отрапортовал Жан Г.

Он снял с гвоздя бинокль и пустил его по рукам. Подкручивая колёсико, можно было разглядеть бабушку Жанетт, совсем крошечную, которая стояла у окна в нашей комнате, поправляла подушки и кричала:

— Кто не заправил свою постель перед тем, как бежать играть во двор?

Но разве мы могли её услышать с такой высоты?

— Вот это жизнь у нас тут будет! — блаженно протянул я, когда до меня дошла очередь смотреть в бинокль.

— Да уж! — радостно поддержал меня Жан А.

— А мы вообще во что играем? — спросил Жан В., который никогда ничего не понимает.

Жан А. закатил глаза к потолку.

— В осаждённую крепость, во что же ещё!

— А что такое крепость? — спросил Жан Г.

— Это такой дом, из которого кавалерия может обстреливать краснокожих, — объяснил Жан А.

— Но у нас ведь нет винтовок, — напомнил я старшему брату.

— Ничего. Сделаем себе рогатки, — предложил Жан В.

— Да, но тут и индейцев вокруг тоже нет, — возразил Жан Г. — Может, лучше сыграем в Тарзана?

— Вот ещё, ерунда какая, — фыркнул Жан А., которому совсем не улыбалось прыгать с ветки на ветку и болтаться на лианах.

— Тогда что же будем делать?

— У меня есть идея! — сказал я. — Давайте будем играть в «Швейцарскую семью Робинзонов»!

«Швейцарская семья Робинзонов» — так назывался фильм, который мы ходили смотреть в кино вместе с мамой и папой.

Там рассказывается о семье, которая попала в кораблекрушение, и их вынесло на берег необитаемого острова. Папа у них оказался настоящим мастером на все руки и построил из обломков корабля огромный дом на дереве, в который они затащили всё, что смогли спасти. У них была даже гостиная с пианино и занавесками на окнах. К счастью, после кораблекрушения уцелели и бочки с порохом, которые помогли им избежать смерти, когда на них напали китайские пираты.

Фильм нам всем страшно понравился, поэтому моё предложение было встречено с восторгом.

Мы с Жаном А. сели в засаду у люка, вооружившись каштанами, которые нарвали на ветках.

Тем временем Жан В. и Жан Г. спустились на землю и пытались взять наш дом на абордаж. Они прикрепили к ремням по деревянной палке и издавали устрашающие вопли.

Самое пекло началось, когда Жан А. принялся обстреливать их каштанами, не подумав очистить орехи от кожуры.

— Ты что, больной? Это опасно, они ведь колючие! Ты мне чуть глаз не выколол!

— Старшие, прекратите, а то мы расскажем бабушке!

— А ну забирайтесь сюда, китаёзы, если не боитесь! — веселился Жан А.

После обеда мы поменялись ролями. Мы с Жаном А. вымачивали лица велосипедной смазкой, чтобы быть похожими на пиратов из фильма. Мы уже приготовились к нападению, когда средние додумались поднять верёвку с узлами и закрыть люк.

— Э, так не по правилам!

— В нашу крепость тупым вход запрещён! — веселились средние. — Крепость теперь только наша!

Они повесили над крышей вместо флага грязный носовой платок Жана В. и измывались над нами, перегнувшись через край в том месте, где у дома не было стены.

Но мы с Жаном А. ещё не сказали своего последнего слова. Мы тайком сбегали в дедушкин сарай за лестницей, а потом воспользовались тем, что Жан В. и Жан Г. потеряли бдительность, и поднялись в дом с другой стороны. А потом набросились на них с дикими криками, и, понятное дело, началась страшная драка...

То-то обрадовалась бабушка Жанетт, когда вечером мы явились наконец домой! Листья в волосах, шорты разорваны,

а на лицах — столько велосипедной смазки, что бабушка даже не сразу разобралась, кто из нас кто.

— Немедленно в душ, — приказала она, указывая на дверь ванной комнаты.

— Но мы ведь китайские пираты! — запротестовали мы.

Похоже, это заявление не произвело на бабушку никакого впечатления. Поскольку первым помывшимся полагалось накрывать на стол к ужину, мы подрались ещё немного — на этот раз, чтобы выяснить, кто будет принимать душ последним.

Нет, правда, это были лучшие наши каникулы за уж и не помню сколько времени!

Ночь Робинзонов

Если бы не одно «но»: всё самое хорошее когда-нибудь кончается.

С дедушкиным домом на дереве, бабушкиными пирогами и настольными играми по вечерам неделя пролетела очень быстро.

Честно говоря, даже чересчур быстро. Нам становилось ужасно грустно при мысли о том, что скоро надо будет возвращаться домой.

В предпоследнюю ночь каникул мы с Жаном А. дождались, пока средние пошли чистить зубы под присмотром бабушки Жанетт, и легли спать в одежде.

Поскольку мы все вчетвером живём здесь в одной комнате, затея была рискованная. Но мы несколько дней готовились к этому, и другой такой возможности уже не будет.

Мы мечтали об этом с того самого момента, когда в первый раз увидели дом на дереве: провести в нём всю ночь, как настоящие братья-Робинзоны. Но, понятное дело, без Жана В. и Жана Г.

Как только погасили свет, средние немедленно уснули.

Мы тихо выпрыгнули из кроватей и прямо так, в темноте, на цыпочках вышли из комнаты, держа сандалии в руках.

В Сен-Вивьене все двери ужасно скрипучие. К счастью, средние спят как убитые, а спальня бабушки и дедушки — на другом конце дома.

Добравшись до прихожей, мы обулись и вытащили сумку, которую чуть раньше припрятали в шкафу, где хранятся банки с вареньем.

— Тс-с, — вдруг прошипел Жан А. и схватил меня за руку.

— Не волнуйся, это бабушка Жанетт храпит.

Потом мы так же на цыпочках прошли через кухню, тихо отодвинули засов на маленькой дверке, которая ведёт на задний двор, и вышли в ночь.

Удивительно, каким огромным показался нам сад в темноте... Луна едва светила, и, пройдя через лужайку, мы включили карманные фонарики.

Каштан ночью тоже оказался больше, чем днём: гигантская тёмная фигура, головой где-то высоко в чёрном небе.

— Лезь первым, — крикнул мне Жан А. прямо в ухо. — Я тебя прикрою.

А вы попробуйте, вскарабкайтесь по верёвке с узлами, когда в руках у вас фонарик! Пришлось взять его в зубы, как делают настоящие диверсанты-разведчики. Закинув ноги на платформу, я послал Жану А. два коротких световых сигнала, и он ко мне присоединился. Оставалось только втащить наверх сумку, которую мы привязали к концу верёвки.

Я отполз в глубь домика, как вдруг — *бом!* — раздался такой грохот, что я даже подпрыгнул.

— Ты что, псих? — прикрикнул я на Жана А. — Тебя, наверное, за пять километров отсюда слышно было!

— Это не я, это моя голова! — простонал он в ответ.

— Слушай, это ты, между прочим, на мою ногу сел!

— Да потому что ты так развалился, весь дом занял!

А вот дом в темноте, наоборот, оказался гораздо меньше, чем днём. Мы из осторожности выключили фонарики и начали

рыться в сумке, которую я сам собирал. Когда отправляешься в серьёзную экспедицию, нельзя доверять тому, кто учит латынь!

Я всё предусмотрел: покрывало с кровати, чтобы использовать его вместо одеяла, мой ножик с восемью лезвиями, чтобы защищаться от врагов в случае нападения, кусок яблочно-го пирога, часы со светящимися стрелками, компас...

— А это что за штука?

— Да это же твоя велосипедная фляга...

— Но она ведь пустая!

— Конечно, пустая!

— Тогда зачем она нам?

— Может, ты каждый раз, когда захочется писать, собираешься спускаться вниз, а я — нет, — объяснил Жан А.

— То есть ты собираешься писать в мою велосипедную флягу?

— Ну да, а что?

— Только попробуй, Жан А., и ты труп!

Он захохотал, и я почувствовал, как он тянет на себя покрывало.

— Э, ты чего делаешь!

— Ложусь спать, а ты что думал?

— Да ты себе всё одеяло забрал!

— А что же мне, на голых досках спать? И к тому же тут холод собачий!

Честно говоря, в нашем убежище и впрямь было не жарко. Несколько минут мы лежали молча и только слушали ночь, которая нас окружала.

— Классно, да?

— Ещё бы! Настоящее приключение, как в кино!

— Даже лучше! — сказал я. — Не знаю, как для тебя, но для меня опасности — это просто смешно!

— Да кому ты рассказываешь! — отозвался Жан А. — Я тут смотрел в словаре, что означает слово «страх», но так и не понял, о чём речь!

Он ещё на несколько минут умолк, а потом добавил:
— Наверное, эти Робинзоны должны были здорово трусить — одни на необитаемом острове!

Бам! — прогремела его голова, ударившись о стену.

— Слышал?

— Что?

— Ты тупой? Скрежет! На крыше!

Я напряг слух. Жан А. был прав. По крыше как будто кто-то ходил...

— Кто это, как думаешь?

— Откуда я знаю? Может, птица. Или какой-нибудь грызун.

— Разве они водятся тут в лесу?

— Конечно, — сказал я и натянул одеяло на нос. — А ещё куча разных насекомых. Или даже змей, кто их знает...

— Вот дерьмо! — не выдержал Жан А.

Когда играешь в слепого и оказываешься в полной темноте, это не так страшно. Но тут, безлунной ночью, в доме, построенном на высоте пяти метров, было совсем другое дело. Листва шелестела на ветру, ветки скрипели и трещали, как будто каштан ожил и шевелился во сне.

Мы лежали и молчали, наострив уши.

— Ты спишь? — наконец спросил я у Жана А.

— Нет. А ты?

— Ну конечно, нет, я ведь разговариваю.

— Тебе, случайно, не страшно?

Я изобразил возмущение, даже как будто закашлялся.

— Мне? Страшно? Ты за кого меня принимаешь?

— А я как подумаю, что средние лежат сейчас в тепле в своих кроватках... — ухмыльнулся Жан А.

— Ага! — подхватил я. — Они позеленеют от зависти, когда мы им расскажем.

— Хотя, — сказал Жан А. — Если бы они сейчас оказались здесь, нам было бы не так...

— Не так что?

— Ничего. Мы были бы более многочисленным отрядом, чтобы защищаться, вот и всё.

— Ты имеешь в виду в случае внезапного нападения врага?

Я вдруг так отчётливо представил себе китайских пиратов, что даже вздрогнул.

Но ведь это был всего-навсего фильм, да еще такой, на который пускают детей младше двенадцати... И всё же когда в листе послышалось: «Угу-угу!», — я так подпрыгнул, что, наверное, побил рекорд Франции по прыжкам в высоту.

— Что это было?

— Понятия не имею, — ответил Жан А. и посветил в темноту фонариком. — Может, филин или сова-сипуха.

— Кто-кто? — переспросил я.

— Такая разновидность совы со светящимися глазами, у которой голова поворачивается на сто семьдесят градусов, как башня у танка.

— Вот чёт! — сказал я, услышав, как новый крик пронзил ночь. — Хорошо, что у нас стальные нервы, а то бы мы...

— Ещё бы, — булькнул Жан А. — У меня даже мурашки не бегут по спине.

— А у меня даже зубы совсем не стучат. С твоего места виден свет в доме?

— Везде всё выключено. Даже в комнате у дедушки Жана темно.

— Хорошо, что мы не какие-нибудь там слабаки, правда?

— И что мы можем спать мёртвым сном на острове, который захватили гигантские ящерицы, — добавил я.

Я тайком глянул на часы. Было всего одиннадцать.

Ночь обещала быть жутко долгой.

По утрам в Сен-Вивьене первым встаёт дедушка Жан.

Он надевает резиновые калоши поверх тапочек и идёт кормить кур, которых держит в специальном загоне.

У кур он берёт яйца, приносит их на кухню и делает свою фирменную яичницу-болтуню: он знает секрет, как её правильно готовить.

Потом дедушка жарит хлеб, достаёт масло и варенье, подогревает молоко и идёт будить весь дом.

Когда в то утро он вошёл к нам в комнату, средние сидели в углу и заканчивали партию в «Тысячу миль», в которую не доиграли накануне.

— Уже встали, утятки?

— Угу, — сказал Жан В. и побил карту Жана Г. картой «Красный свет».

— А где старшие?

— Мы не знаем, — сказал Жан Г. и вклеил Жану В. карту «Ограничение скорости».

Вечером, собираясь ночевать в доме на дереве, мы с Жаном А. не забыли затолкать под одеяла на большой кровати, которую делим с ним вдвоём, диванные подушки. Старый беспроигрышный трюк, когда надо, чтобы все думали, что ты лежишь у себя в постели и спишь.

Дедушка Жан отдернул одеяло.

— Почему вы спите в одежде? — воскликнул он, увидев, как мы вдвоём лежим, свернувшись калачиком и закопавшись в подушки.

— В одежде? — промычал Жан А. — Мы?

Мы вернулись в спальню незадолго до полуночи и, едва свалившись в постель, сразу же уснули — Жан А. даже не успел снять очки.

— В комнате было прохладно, — пробормотал я.

— Даже под таким толстым одеялом? — удивился дедушка Жан. — А я-то хотел предложить вам сегодня переночевать в доме на дереве, как настоящим искателям приключений...

— Ни за какие шиши, дедушка Джон, — пробормотал сквозь сон Жан А.

— Что-что? — не поверил своим ушам дедушка.

— Э-э-э... ни за какие шиши, дедушка Жан.

— Мы бы с радостью, — сказал я. — Но... м-м-м... думаю, папа и мама не разрешат.

— Ну что ж, нет так нет, — проговорил дедушка Жан. — Тогда сделаем это в следующем году, когда вы станете совсем большими и смелыми. А теперь — подъём! На кухне вас ждёт питательный завтрак.

— Это всё ты и твои идиотские затеи! — прошипел Жан А., когда мы остались вдвоем. — Из-за тебя мы опозорились перед дедушкой Жаном!

— Как будто я один придумал, что было бы здорово переночевать на дереве! — возмутился я.

— В общем, больше никогда не буду терпеть кораблекрушение и выбрасываться на берег необитаемого острова с трюсом вроде тебя!

— Сам трус! Это ты захотел вернуться домой, потому что до смерти перепугался!

— Я? Да это ты так стучал зубами от ужаса, что дом на дереве чуть не развалился!

- Девчонка!
- Трус!
- Тряпка!
- Робинзон лопухий!
- А ну повтори?!
- Сам повтори — и увидишь, кто из нас тряпка!

Мы ещё несколько минут поругались, а потом побежали на кухню и присоединились к средним и дедушке Жану.

Хоть нам с Жаном А. и довелось выжить в тяжелейших условиях, мы ни за что на свете не пропустили бы питательный завтрак дедушки Жана.

В то утро нас ждал ещё один сюрприз.

Мы собирали в огороде помидоры, когда за воротами вдруг раздался весёлый гудок клаксона.

— Ну-ка, ну-ка, — проговорил дедушка Жан с лукавой улыбкой. — Кто это там? Гости?

Как же радостно мы заорали, когда обнаружили, что за воротами стоит папин «Пежо-404»...

— Папа, мама, Жан Д., Жан Е.! Откуда вы тут?

Мы бросились их обнимать, и папа объяснил, что в этот день ему не нужно было идти на работу в больницу, и они решили, что небольшие выходные за городом пойдут на пользу маме и малышам.

— Вернёмся все вместе. Тогда дедушке не придётся гонять свою машину туда и обратно, — добавила мама и поочерёдно поцеловала каждого из нас. — Как вы все здорово выглядите, мои дорогие огородники!

Бабушка Жанетт накрыла стол под вишней, и после обеда мы сразу побежали к дому на дереве и взяли с собой Жана Д.

Он был маловат для того, чтобы забираться по верёвке с узлами, поэтому дедушка Жан принёс лестницу, и мы все залезли в дом по ней.

— Добро пожаловать в нашу крепость, коротыш, — приветствовал гостя Жан А.

— Сыкарно! — прошепелявил Жан Д., бегая по дому и заглядывая в каждый угол. — Может, сыграем в «виселицу»?

— Или посмотрим, кто залезет выше всех на каштан? — предложил Жан В.

— Мама сказала: никаких опасных игр в доме на дереве, — напомнил Жан Г.

— Тогда давайте в хиваро! — решил я.

— Сыкарно! А что такое хиваро? — прошепелявил Жан Д.

— Индейское племя охотников за головами, — объяснил Жан А. — Прольётся кровь, нуллюсы!

Мы немного подрались и поорали как сумасшедшие, и вдруг к нам постучали.

У нас перехватило дыхание.

— Кто это? — пробормотал Жан А.

— Обслуживание номеров! — объявил папа, и его голова показалась там, где у нашего дома не хватало стены.

Он принёс корзину клубники, огромный пакет печенья с шоколадом и кувшин домашнего лимонада.

— Полдник для многоуважаемых господ, — произнёс он. — Мама и бабушка уже несколько часов болтают под вишней. Я решил, что вам будет спокойнее перекусить прямо тут.

— Сыкарно! — прошепелявил Жан Д.

— Пап, а давай ты тоже к нам? — предложил Жан А.

— А что, можно?

— Если только ты не предпочитаешь часами болтать с мамой и бабушкой Жанетт...

— Эм-м... Ну уж нет, — откашлялся папа.

— Мозно было бы дазе сходить за Заном Е., — предложил Жан Д.

— Отличная мысль, — решил папа и, согнувшись пополам, втиснулся в дом. — Если вы считаете, что пол выдержит нас семерых...

— Конечно, выдержит! — сказал Жан В. — Он выдержал даже нападение китайских пиратов.

Мама и бабушка Жанетт не заметили, как мы похитили Жана Е. Конечно, в доме было теперь тесновато. Но поскольку мы втащили наверх лестницу, чтобы никто нас не беспокоил, то теперь можно было считать, что мы летим по небу на воздушном шаре.

Наконец-то можно было спокойно перекусить в чисто мужской компании!

Наказание

С тех пор как я нашёл в городской библиотеке сборник тайных шифров, мы с Франсуа стали специалистами в области закодированных посланий.

Франсуа — это мой лучший друг. Жан А. говорит, что он похож на конский каштан, потому что никогда не снимает плаща, даже в классе, а ещё у него рыжая шевелюра и куча веснушек.

Я увидел его в первый раз, когда вернулся в школу после каникул в начале третьего класса. Он стоял один-одинёшенек в дальнем углу двора, за спиной у него висел огромный ранец, и похож он был скорее на майского жука, чем на каштан.

— Новенький? — спросил я.

Он вздрогнул.

— Лучше не подходи! — предупредил он и встал в оборонительную позицию. — Я специалист по карате.

Ростом он был примерно мне по плечо, так что я даже глаза выпучил от изумления.

— Да ладно... И какой же у тебя уровень?

— Второгодник, — признался он.

— Да нет, я не про школу. В карате какой уровень?

— А, ты про это! — протянул он и засунул руки в карманы. — Ну, вообще-то у меня чёрный пояс.

Я присвистнул.

— Здорово! А я занимаюсь дзюдо. Но поскольку мои родители против, приходится отрабатывать приёмы самостоятельно.

Он с интересом стал меня слушать.

— Значит, ты умеешь делать бросок через голову?

— Ха, ещё бы! А ты умеешь издавать убивающий крик?

— Ки-ай? Конечно! Вообще-то сам крик не убивает, он только парализует противника, и у тебя появляется время вмазать ему в лоб.

Я был потрясён до глубины души. Я впервые в жизни видел третьеклассника, который умеет пользоваться убивающим криком!

— Это как в «Докторе Жюстисе»?

— Ну почти, — сказал он. — Я могу один раскидать за раз человек двадцать, даже руки из кармана не надо для этого вынимать.

— Да ладно! — не поверил я.

Он пожал плечами.

— Я как-то сделал такое, в прошлой школе... Как тебя, кстати, зовут?

— Знает убивающий крик? Этот конский каштан? — расхохотался Жан А., когда я вечером рассказал ему о своём новом знакомом. — Да он, похоже, двинутый!

— Ага, конечно, если не считать того, что теперь весь его прошлый класс ездит на инвалидных колясках! — добавил я. — Его крик «ки-ай!» парализовал их на всю жизнь! Вот почему его оставили на второй год.

— Не смейся меня, — сказал Жан А.

— Да я тебе точно говорю, это правда! Он сам мне рассказал.

— И где же он, интересно, получил этот свой чёрный пояс? В клубе коротышек?

Тут уж настала моя очередь ухмыляться.

— Ну понятно, тебе завидно, потому что твоему Стефану ни за что не разрубить кирпич ладонью.

— Да этот твой Франсуа и печенье молотком не разобьёт!
— Имей в виду, — сказал я. — Если вы со своей бандой очкариков станете к нам приставать на переменах — пожалеете!

Сначала учительница разрешила нам с Франсуа сесть за одну парту. Но поскольку мы на всех уроках рисовали модели автомобилей-амфибий, она очень быстро рассадил нас по разным концам класса.

Вот тогда-то нам и понадобились шифры: чтобы обмениваться секретными сообщениями втайне от учительницы.

Это происходит всегда по одной и той же схеме. Я самозабвенно занимаюсь делением в столбик, как вдруг ко мне прилетает комок из промокашки.

Я вздрагиваю, но никто ничего не замечает, потому что все склонились над тетрадями. Даже Франсуа за своей последней партой сидит и сосредоточенно что-то решает. От умственных усилий обхватил голову руками, и рот у него весь синий, потому что он вечно сосёт свою перьевую ручку.

Я потихоньку разворачиваю бумажный комок под партой.

Промокашка впитала чернила, и написанное едва можно разобрать. Но я всё-таки читаю: «21 20-6-2-33 15-6-20 20-33-15-21-25-12-10?»

У меня сердце сжимается от восторга. Что это такое? Суперсекретная химическая формула? Координаты подводной базы СПЕКТРа?

Даже если бы это послание перехватили враги, они ничего не смогли бы разобрать, потому что наш шифр взломать просто невозможно. Кому придёт в голову подставить на место каждой цифры букву с соответствующим порядковым номером в алфавите?

Я тут же принялся за дело. Едва была закончена работа по дешифровке, как прозвенел звонок на перемену.

---

* Террористическая организация из серии книг о приключениях британского суперагента Джеймса Бонда английского писателя Яна Флеминга.

Во дворе я сразу набросился на Франсуа и стал пихать ему в нос его промокашку.

— «У тебя нет тянучки?» Что это за секретное послание?! Ты что, не мог перемены дожидаться?

— 6-19-20-30 или 15-6-20?

— Чего?

— Есть она у тебя или нет?

— Есть, — проворчал я. — Но из-за твоего дебильного послания я не доделал деление и теперь получу пару!

Труднее всего расшифровывать азбуку Морзе. Там для каждой буквы используется своя комбинация из точек и тире.

Например: «... — / • — — •/ — ...» означает «Жан Б.».

Мы с Франсуа выучили азбуку Морзе наизусть. Это очень удобный шифр для секретных агентов: его можно использовать не только в записках, но и для передачи световых посланий. Совершенно необходимая вещь, если попал в плен к злодеям или если под рукой нет ничего, кроме фонарика, — ни бумаги для писем, ни миниатюрного радиопередатчика, спрятанного в корпус шпионских часов.

Однажды, когда у нас шёл урок французского и мне суперсрочно понадобилось связаться с Франсуа, я отрезал от листка с упражнениями полоску шириной не больше трёх миллиметров.

«Встречаемся у музкласса, — наказывал я точками и тире. — Проверь, чтобы за тобой не было хвоста. Подпись: Сам знаешь кто».

Я смотал полоску в плотный рулончик — послание получилось совсем крошечное, не больше шпионского микрофильма. Потом открутил верхушку у красной ручки, чтобы сделать плевательную трубку, вложил рулончик внутрь и, дождавшись, пока учительница отвернётся, выстрелил посланием в сторону Франсуа.

Я стрелял не целясь, но — *бах!* — снайперски попал Франсуа прямо в глаз, и он завопил как резаный.

Учительница сохранила хладнокровие. Должно быть, в молодости она тоже была секретным агентом.

Она подобрала со стола Франсуа мой микрофильм, не спеша размотала полоску и показала её всему классу.

— Могу я поинтересоваться, молодые люди, кто автор этого послания?

Все молчали как рыбы.

Учительница подождала минутку и продолжила:

— Вероятно, ученик, который только что едва не лишил глаза одного из своих товарищей, считает изучение тайных шифров гораздо более важным занятием, чем изучение правил употребления прямого дополнения.

Все продолжали молчать, поэтому учительница со вздохом сказала:

— Ну что ж... Если виновный не признается до вечера, я буду вынуждена наказать весь класс.

По рядам пробежал недовольный ропот, и мне показалось, что все мои одноклассники одновременно посмотрели на меня. Я тогда, наверное, покраснел как помидор. Сам-то я мог снести любые мучения, но теперь за мою ошибку должен был расплачиваться весь класс.

— Из-за тебя я теперь всю жизнь буду носить повязку на глазу, как злодей из «Джеймса Бонда», — набросился на меня Франсуа.

Мы вышли во двор, и он поднял воротник на плаще, чтобы казаться повыше. Но даже с поднятым воротником он был похож, скорее, на конский каштан, чем на доктора Жюстиса.

— Надеюсь, у тебя есть план, как нам из этого выкрутиться.

— Может, ты применишь свой парализующий крик «ки-ай»? — стал упрашивать я. — Отнимем записку, промоем мозги, чтобы об этом инциденте не осталось воспоминаний, и...

— Кому промоем мозги?

— Ну кому-кому, учительнице!

— Чтобы она меня отправила к директору, и он меня оставил бы на второй год ещё раз? Ха-ха-ха! Это ты здорово придумал!

Выбора не было. Мама и папа меня, конечно, убьют, когда узнают, но так мне и надо.

Если я не признаюсь, мне будет стыдно смотреть себе в глаза в зеркале в ванной.

К счастью, учительница оказалась сговорчивой. Она просто дала мне дополнительное задание в наказание и даже не сочла необходимым требовать, чтобы под этим заданием расписались родители.

Легко я отделался!

— Что ты там пишешь? — спросил Жан А. в тот вечер, увидев, как я скорчился над двойным листком.

- Глаголы спрягаю, — проворчал я.
- В точках и тире? У тебя что, мозг взорвало?
- Это азбука Морзе, чурбан.
- Морзе? И что же ты спрягаешь?
- «Не отправлять закодированных сообщений во время урока грамматики». Во всех временах и наклонениях.
- Легкотня! Я могу это хоть на латыни написать, раз плюнуть...
- Оставь меня в покое!
- Ну или на тюленьем, если хочешь.
- Если ты немедленно не замолчишь, я тебе ткну прямо в солнечное сплетение, — пригрозил я.
- Давай-давай, попробуй! — ухмыльнулся он.

С того дня мы с Франсуа стали придерживаться новой тактики.

Отныне свои тайные послания мы писали невидимыми чернилами, приготовленными из воды и лимонного сока.

Эта смесь представляет собой почти бесцветную жидкость. Когда она высыхает, прочитать написанное совершенно невозможно. Получивший послание должен разогреть бумагу на батарее, и тогда текст проявится — ну прямо как по волшебству.

Тут уж нас никак не поймаешь. Если учительница перехватит записку, она подумает, что мы кидаемся простой бумагой. К тому же, в худшем случае, если даже она захочет заставить нас в наказание написать сто строчек, ей не удастся эти строчки сосчитать, потому что писать их мы будем тоже невидимыми чернилами.

Гениальная идея, правда?

Мы с Франсуа обязательно запатентуем этот метод шифрования, когда вместе поступим в шпионскую школу.

Если, конечно, его опять не оставят на второй год в третьем классе.

Плохой день для гипермачоса

— Ну что ж, в путь! — радостно воскликнул папа, захлопывая за собой дверцу автомобиля. — Следующая остановка — восхитительный пляж... Дети, вы готовы к прекрасному воскресному дню в кругу семьи?

Ответом ему была мёртвая тишина.

Втиснувшись на заднее сидение папиного «Пежо-404», мы все сидели с кислыми физиономиями. Воскресенье — это вообще невесело, но лучше повеситься, чем ехать куда-то всей семьёй.

Папа радостно завёл мотор.

— Эй, там, на галёрке, пристегнитесь! — крикнул он. — Посмотрим, на что способен этот гоночный болид!

— Дорогой, разумно ли это — разгоняться, когда в машине сидят шестеро детей? — мягко вмешалась мама.

Папа похлопал её по коленке и рассмеялся, натягивая шофёрские перчатки без пальцев.

— Не беспокойся, дорогая, я обещаю, что не буду преодолевать звуковой барьер! Ребята, всё в порядке?

Мы снова ответили молчанием. Но у папы было такое замечательное настроение, что он, похоже, ровным счётом ничего не замечал.

— Нам рассусоливать некогда! — сказал он. — Солнце сияет, и гипероплюс ждать не будет!

— Кто-кто ждать не будет? — переспросил Жан В.

Папа три раза ударил по клаксону и наконец осторожно вырулил на шоссе.

— Гипероплюс, — повторил он, загадочно улыбаясь. — Осторожно, там, сзади, я переключаюсь сразу на третью передачу. Надеюсь, вы не будете возражать, если мы прокатимся сегодня в спортивном режиме, господа!

Едва мы выехали из города, как Жан А. позеленел. Если бы я не открыл окно в последний момент, его завтрак оказался бы у нас на коленях. Потом Жану В. и Жану Г. нестерпимо захотелось писать, и папе пришлось разворачиваться в длинной веренице грузовиков, чтобы еле-еле успеть остановиться на заправке.

— Вы что, купили на распродаже карнавальные костюмы? — спросил заправщик, когда увидел, как мы один за другим выпрыгиваем из машины — все в одинаковых шортах и полосатых майках — и вереницей тянемся в сторону туалетов.

Папа приподнял бровь.

— Вы, возможно, не в курсе, уважаемый, но сейчас — разгар сезона гипероплюса.

— Чего-чего сейчас разгар? — не понял заправщик.

— То, что вы назвали карнавальным костюмом, — детская одежда, которая идеально подходит для воскресного дня на берегу моря. А сейчас я попрошу вас наполнить бак этого мощного автомобиля и оставить свои размышления при себе. Я понятно выражаюсь?

Когда мы в конце концов добрались до выбранного папой пляжа, погода была уже не такая замечательная. На горизонте появились огромные чёрные тучи, и редкие лучи солнца пробивали небо, подобно зенитным прожекторам.

Папа вышел из машины и потянулся, набрав полные лёгкие воздуха.

- Дети, дышите! Прекрасный воздух, богатый йодом!
- Папа, а это что такое? — спросил Жан В., указывая на большие бетонные кубы, там и тут торчащие на пляже.
- Блокгаузы, — объяснил папа.
- Их построили фашисты, чтобы помешать высадке союзников, — закончил за него Жан А.
- Фасысты будут в нас стрелять, пока мы играем на пляже? — забеспокоился Жан Д.
- Да нет, — засмеялся папа. — Эти оборонительные сооружения использовались очень-очень давно.
- Кто там говорил про яркое солнце? — пробормотала мама, которая терпеть не может, когда на пляже ветрено и холодно.
- Что-что, дорогая? — переспросил папа.
- Ничего-ничего, — ответила она.
- Тут вдалеке, на том краю огромной бухты, мы заметили песчаные парусники — такие сухопутные тележки с парусами, которые мчались по песку, подобно машинам «Формулы-1».
- Можно мы тоже покатаемся? — спросил Жан А., внезапно загоревшись этой идеей.
- Да, папа, пожалуйста! — стали умолять все хором. — Песчаные парусники — это так здорово!
- Об этом не может быть и речи, — сказала мама, бросая на папу очень суровый взгляд. — На сегодня гонок уже более чем достаточно.
- Но дорогая, я совсем даже не разгонялся, — запротестовал папа. — А что ты скажешь насчёт освежающего купания?
- Только без меня, — заявила мама. — В такой сильный ветер Жану Е. лучше оставаться в тепле.
- Обычный морской бриз, — заверил её папа. — Доверься старому морскому волку: как только все наденут купальники и плавки, солнце вернётся!
- Плавки? — запротестовали мы.
- Ну вообще-то в подобных случаях надевают именно плавки, а не что-нибудь ещё, — подтвердил папа.

В конце концов мы укрылись от ветра у подножия одного из блокаузов. Мама расстелила полотенце и укутала Жана Е. в одеяло, а папа тем временем ходил туда-сюда к машине и обратно и носил из неё наше пляжное снаряжение.

— Вы почему до сих пор одеты? — удивился он, увидев, что мы так и стоим на прежнем месте, прямые и неподвижные, как колышки для установки палатки.

Надеть плавки нам сейчас хотелось примерно так же, как раздеться догола и переночевать в холодильнике.

— Если мы сейчас искупаемся, нам ни за что не успеть вернуться к вечерней службе, — попытал счастья Жан А.

— К тому же, кажется, вода сегодня суперхолодная, — заметил Жан В.

— А у меня немножко горлышко болит, — прошепелявил Жан Д. — Похоже, у меня ангина.

Но папа не попался на нашу удочку.

— Не говорите мне, что вы ещё большие мерзляки, чем гипероплюс.

— Чем кто?.. — переспросил Жан В.

— Скоро увидите, — сказал папа. — Старшие, давайте со мной. Пусть эти мерзляки запускают бумажного змея на берег, а мы тем временем сразимся с бушующими волнами!

Мы с Жаном А. украдкой переглянулись. Похоже, про песчаный парусник можно было забыть. Не хватало теперь к тому же прослыть трусами...

Мы обречённо вздохнули и побежали за папой.

Был отлив, вода отступила далеко, поэтому мы шли к морю в майках и сандалиях. Но, добравшись до воды, мы всё-таки разделись и сложили одежду на полотенцах на берегу.

— Резкое переохладение грозит обмороками, — предупредил папа и начал делать упражнения на растяжку, наклоны и приседания, после чего поколотил себя кулаками по груди. — Необходимо разогреться!

— Вода, небось, градусов пятнадцать! — пропищал Жан А., снимая очки. — Только попробуй меня обрызгать, и ты труп, Жан Б.!

— Если я умру от переохлаждения, — проворчал я, — не надейся унаследовать мои наклейки с футболистами!

— Ну как, мои дорогие старшие, готовы? — спросил папа и взял нас за руки. — По моей команде: раз, два...

— ТРИ! — закричали мы и с безумным воплем бросились в воду.

От ледяной воды у меня перехватило дыхание. Я вынырнул на поверхность, пыхтя и отплёвываясь, и увидел, как Жан А., пошатываясь, ковыляет в сторону берега и орёт:

— Я не чувствую рук и ног! Я человек-обрубок!

У него была полная голова водорослей, а губы стали совершенно синими — под цвет его плавок.

— Ну как? — спросил папа, с фырканьем выбираясь на берег. — Ещё разок?

— Не-е-ет, мы не польдём... эм-м... то есть не пойдём! — пробублькали мы в ответ.

Мы купались, наверное, не больше двенадцати секунд, но за это время успел произойти прилив. Наши полотенца и футболки намокли, и нам пришлось добираться до остальных бегом, чтобы не околеть.

Мы так дрожали, когда добежали, что Жан А. никак не мог нацепить очки.

У Жана Г. и Жана Д. запутались нитки воздушных змеев, и они затеяли по этому поводу драку, а Жан В. воспользовался тем, что им не до него, и с наслаждением швырялся камнями в песочный замок, который они построили.

— Ну, как вода? — спросила мама.

— Прохладная, но очень освежает, — сказал папа. — Правда, ребята?

— Хо-хо-холодная, — подтвердили мы.

Мы стучали зубами как испанскими кастаньетами, а полотенца наши так промокли, что от них не было никакого толку.

— Предупреждаю! — сказал Жан Д. — Я своё сухое полотенце никому не одолзу!

— А кто тронет моё, пятнадцать минут будет валяться в песке и просить о пощаде! — поддержал его Жан В.

К счастью, мама предусмотрительно взяла с собой целую стопку полотенец, и мы закутались с ног до головы, будто только что брассом переплыли Ла-Манш.

— Может, пора устроить пикник, дорогая? — предложил папа, одеваясь. — Ничто так не разжигает аппетит, как освежающее купание в море.

Папа — очень хороший врач. Обычно я терпеть не могу терброды из мягкого хлеба и вялой ветчины, которые мы едим на пикниках. Но на этот раз я был настолько голодный, что съел бы даже цветную капусту, если бы мама взяла её с собой.

— А если мы пообедаем без драки, нам можно будет потом сделать песяные парусники? — попытал счастья Жан Д.

— Ну пожалуйста, пап! — стал упрашивать Жан А. — Хотя бы только нам, старшим!

— Мы будем ехать медленно, как улитки, обещаю! — поклялся я и плюнул для убедительности на сандалии Жана В.

Мама кормила из бутылочки Жана Е.

— Скажи что-нибудь, дорогой, — попросила она. — В конце концов, ведь это ты у нас глава семьи.

— Ваша мама права, — согласился папа. — Вы пока ещё маловаты для скоростных видов спорта. К тому же приближается время гипероплюса...

— Кого? — переспросили мы хором.

Папа не спеша достал трубку и набил её табаком и только после этого ответил:

— Так вот, мои дорогие дети. Латинское слово *hyperoplus* — это научное название песчанок.

— Научное название печенек? — не понял Жан В., который вообще никогда ничего не понимает.

— Пес-ча-нок, — по слогам повторил папа. — Это такие морские существа, они водятся в разных морях и в зависимости от места обитания называются северными, тихоокеанскими или балтийскими.

— В *болтийском* месте обитания их, наверное, болтает, — пробормотал Жан А., который от купания в холодной воде, похоже, совсем одурел.

— Дорогой, по-моему, это не лучшее место для изучения разновидностей рыб семейства песчанковых, — заметила мама, видя, что папа потихоньку теряет своё легендарное терпение.

— В общем, гипероплюсы — это всего-навсего такие рыбы, — перевел Жан В.

— Если угодно, можно сказать и так, — согласился папа. — Крошечные рыбёшки...

— ...которых надо жарить на малюсеньких сковородочках! — обрадовался Жан Г.

— И кормить ими маленьких человечков, — пропищал Жан А.

Папа повернулся к маме:

— Дорогая, в следующий раз, когда мне захочется отвезти детей ловить гипероплюса, напости мне, пожалуйста, вместо этого заступить на дежурство в госпитале, хорошо?

— Так мы будем ловить рыбу! — обрадовался Жан Г. — Но как же мы будем это делать? У нас ведь нет удочек!

— Если бы в этой семье мне хоть раз дали закончить фразу, — продолжал папа, — вы бы узнали, господа, что гипероплюс живёт в песке. Удочка тут ни к чему. Для ловли гипероплюса у нас есть всё необходимое.

— Дорогой, какое облегчение, — сказала мама, глядя, как папа раздаёт нам совки и грабли. — Когда ты вынимал всё это

из машины, я подумала, что ты планируешь заново построить Атлантический вал*.

— Очень смешно, дорогая, — буркнул папа.

— Я шучу, — хихикнула мама. — Ну что ж, отправляйтесь на рыбалку. А я тем временем спокойно почитаю, пока Жан Е. спит.

— Ура! — закричали мы все хором. — Да здравствует гипероплумбий!

Мы до зубов вооружились совочками и граблями, и рыбам Ла-Манша в тот день было несдобровать.

---

* Атлантический вал — огромная стена, представлявшая собой систему укреплений длиной более 5000 км, которую возвела вдоль европейского побережья Атлантического океана германская армия в 1940–1944 годах, когда захватила Францию и не хотела, чтобы на континент вторглись войска антигитлеровской коалиции.

Потом мы потянулись длинной вереницей за папой, который тоже шагал с лопатой на плече. Остановились там, где песок был уже мокрый, а значит, рыть его можно было без особого труда.

Ловля гипероплюса немного похожа на поиски сокровищ: наугад роешь ямку в песке и, если улыбнётся удача, натыкаешься на таких крошечных угрей, длиной не больше мизинца, которые вертятся в песке и таращатся на тебя выпученными глазами.

— Двигайтесь ровным строем, — посоветовал папа. — И не надо рыть глубокие траншеи, гипероплюс живёт почти на самой поверхности.

— Я поймал! Я поймал! — вдруг закричал Жан Г.

Это было довольно обидно: они с Жаном Д. копали маленькими игрушечными совочками, в то время как мы совершенно напрасно выбивались из сил, роя песок тяжёлыми садовыми лопатами.

— Покажи?

Рыба у Жана Г. была, конечно, неказистая: мы еле разглядели её голову, которая выглядывала из его сжатого кулака.

— Ужин из твоего улова выйдет знатный! — заметил Жан А.

— Я с тобой делиться не собираюсь, и не надейся! — развеселился Жан Г. и бережно уложил добычу на дно ведёрка.

— Тот, кто вернётся с пустыми руками, будет мыть посуду до дня своего совершеннолетия, — пригрозил папа и поспешил с лопатой поближе к тому месту, где рыл Жан Г.

— Я тоже поймал! — очень скоро раздался крик Жана В.

— Я первым его увидел! — запротестовал Жан А.

— Её один! — проверещал Жан Д.

— Есть! — наконец прокричал и я тоже.

— Где же это они? — приговаривал папа. — Где?

Он бегал со своей лопатой туда-сюда и бешено месил ею песок, но всё тщетно: ему пока не удалось поймать ни одной рыбёшки.

Ловля песчанок оказалась страшно утомительным делом. Перерываешь километры пляжа и только вроде бы заметишь одну рыбёшку, как она уже исчезла в песке.

— У меня есть идея! — сказал я Жану А. — Ты копаешь, а я ловлю!

— У меня есть идея получше, — сказал он. — Ты работаешь, а я ковыряюсь в носу! Как тебе такой план, толстяк?

— Нашёл дурака!

Когда мы закончили, все были мокрые от пота, в песке с ног до головы и с мозолями на ладонях. Видели бы вы, какое странное лицо было у мамы, когда она заглянула к нам в ведро.

— Вот это улов! — воскликнула она.

— Похоже, мы рыбачили добрую половину книги, — гордо оценил мамин прогресс папа.

— И что же мне теперь с этим уловом делать?

— Пожарить на маленькой сковородочке, дорогая.

— Если только на очень-очень маленькой... — сказала мама, взвешивая ведёрко. — Но разве это не жестоко по отношению к бедным малышам?

— Ну что ты, дорогая, — воскликнул папа, закуривая трубку с чувством выполненного долга. — Человек во все времена брал пищу у природы. К тому же я уверен, что эти гипероплюсы будут в восторге от твоего домашнего майонеза.

— Кстати, папа, — вдруг с хитрой улыбочкой заметил Жан А. — Ты там сегодня что-то говорил про того, кто вернётся с рыбалки с пустыми руками? Что он вроде бы будет мыть посуду до совершеннолетия...

Папа бросил на него сердитый взгляд, но на самом деле мы все слышали, как он это говорил.

— Дорогой, тебе ничего не удалось поймать? — изумилась мама. — Ни одного крошечного *микроплюмбика*?

— Вообще ничего! — подтвердил Жан Г.

— Я командовал операцией, дорогая, — стал оправдываться папа. — Никто ведь не ждёт от главнокомандующего, что он сам полезет в пекло.

Папа встал на фоне горизонта и спокойно закурил трубку, но даже со спины было видно, как он сердит.

Мы так долго укладывали вещи обратно в машину, что домой отправились уже в полной темноте.

Папа тихонько включил радио и всю дорогу до дому отбивал такт на руле. На соседнем сиденье малыш Жан Е. что-то лепетал, сидя на руках у мамы.

Сзади не доносилось ни звука. Средние и Жан Д. сидели, скрестив ноги, и спали как убитые. Жан А. привалился к дверце, и ему, наверное, снилось, как он управляет песчаным парусником. На каждом бугре его голова билась о стекло и раздавалось глухое «бом-м!», но это никого не будило.

Зажатый среди остальных, я держал в руках ведро, полное рыбы, и крепко прижимал его к себе, чтобы не уронить.

Я изо всех сил боролся со сном, мне ужасно нравилось ехать в ночной тишине. Голоса папы и мамы доносились до меня будто сквозь ватное одеяло, а яркие фары машины, казалось, сами по себе прокладывали нам в темноте путь.

— Ты не слишком устала, дорогая? — проговорил папа.

— Устала. Но это приятная усталость, — ответила мама.

— Кажется, у меня есть отличная идея на следующее воскресенье. Рассказать?

— Расскажешь чуть позже, — ответила мама. — А пока надо поскорее вернуться домой и уложить спать наших маленьких гипероплюсов.

— Кого-кого? — не понял папа.

— Это научное название наших Жанов, — объяснила мама. — Правда ведь, оно им очень подходит?

Спасибо, дедушка Жан

В тот день папа страшно рассердился. Жан В. стащил у него древнюю окаменелость и обменял её на специальный выпуск «Рахана, мальчика из суровых времён».

— Жан В., — воскликнул он. — За подобный проступок я немедленно записываю тебя в школу морских скаутов!

— Но послушай, дорогой, — вмешалась мама. — Я не помню, чтобы ты так уж сильно был привязан к этому...

— К этому булыжнику? — взвился папа. — Хочу тебе напомнить, что его подарил мне наш друг, месье Вюйермоз!

— Самый занудный человек на свете, — напомнила мама. — Ты засыпаешь каждый раз, когда он начинает изводить нас своей коллекцией окаменелостей.

— В этом я с тобой соглашусь, дорогая. Но разве можно сравнивать трогательное напоминание о доисторических временах с этим... с этим...

— Мальчик из суровых времён тоже жил в доисторические времена, — попытался оправдаться Жан В. — Он даже охотился на мамонта с девочкой-кроманьонкой, одетой в леопардовый купальник.

— Вот именно, — воскликнул папа. — Я, как глава этой семьи, запрещаю приносить комиксы в этот дом!

- Даже библиотечные? — спросил я.
- Даже те, которые мы покупаем на свои карманные деньги? — спросил Жан В.
- Даже про Астерикса? — спросил Жан А.
- Папа был твёрд как скала.
- Даже про Астерикса.
- Да, но ведь я начал учить латынь... — попытал счастья Жан А.

Но папа окинул его таким суровым взглядом, что Жан А. передумал продолжать.

— Я, кажется, ясно сказал, мои дорогие Жаны: первый, кто... кто... ну, который первый... тот будет... до самого совершеннолетия!

— А почему всем нашим друзьям разрешают читать комиксы, а нам нет? — возмутился Жан А. — У нас ведь уже и так нет телевизора!

— Почему? — переспросил папа. — Ну, потому что... потому что... Дорогая, ты мне не напомнишь почему?

— Но ведь это ты у нас глава семьи, — заметила мама.

— А, да... Ну, потому что в них встречаются сцены сомнительного содержания, которые могут произвести слишком сильное впечатление на юные неокрепшие умы, вот почему.

Мы все переглянулись: нам было интересно, про какие такие юные неокрепшие умы он говорит.

— А ещё потому, — добавил папа, — что я категорически против того, чтобы наши дети разучились выражать свои мысли словами и стали пользоваться одними только ономатопами.

— Сто такое токаноматопи? — спросил Жан Д.

— Ономатопея... — начала было мама.

— Дорогая, дело совершенно не в этом, — оборвал её папа, которому, видимо, казалось, что сейчас не самый подходящий момент для того, чтобы заниматься расширением нашего словаря.

— Ра-та-та-тата! — в эту самую секунду пророкотал малыш Жан Е.

Он сидел в своём высоком стульчике и, воспользовавшись тем, что никто на него не смотрит, стрелял из ложечки банановым пюре, которое растекалось по обоям.

Папа побледнел.

— Дорогая, ты слышишь? Даже Жан Е. уже разговаривает ономатопеями!

Мама поспешила его успокоить.

— Просто ему всего лишь шесть месяцев, он не умеет читать и говорит только «агу!».

— Ра-та-та-тата! — подтвердил Жан Е. и засунул ложку себе прямо в горло.

— Как бы там ни было, — подытожил папа, изо всех сил стараясь сохранять спокойствие, — спор завершён. Этого «Рахана» я конфискую. Мы, конечно, современные и демократичные родители, но первый, кто принесёт в дом очередную иллюстрированную книжонку, будет иметь дело со мной. Я ясно выражаюсь?

Мы вышли из гостиной, понутив головы и ворча под нос, как хорьки.

Мы все вшестером обожаем комиксы. Даже Жан Е. может часами сосать страницы иллюстрированных журналов, когда мама просит нас за ним присмотреть, пока она гладит в столовой.

Вот уж не повезло так не повезло: мы стали единственной семьёй в цивилизованном мире, у которой нет телевизора и в которой запрещено читать комиксы.

Счастье, что у нас есть дедушка Жан.

В следующее воскресенье они с бабушкой Жанетт приехали к нам в гости.

Едва все сели за стол, как дедушка спросил:

— Жан А., напომни-ка мне, кем ты собираешься стать, когда вырастешь?

— Изобретателем, — ответил Жан А.

— Ты хотел сказать — инженером, — гордо поправил старшего сына папа.

— А ты, мой дорогой Жан Б.? — спросил дедушка Жан.

Я быстренько прокрутил в голове двенадцать профессий, которыми планировал заниматься, когда вырасту, и объявил:

— Путешественником.

— Он имеет в виду — географом-исследователем, — пояснила мама бабушке Жанетт.

— Ну что ж, всё это очень кстати, — сказал дедушка Жан. — Я тут вам привёз кое-какие пустячки, может, они вас заинтересуют...

Он открыл сумку и стал раздавать подарки.

— Годовая подписка на «Пиф гаджет»! — закричал Жан А., когда дедушка вручил ему листок.

— Свежий выпуск «Патруля бобров»! — воскликнул я, увидев свой подарок.

Для Жана В. у дедушки нашлись «Семь хрустальных ша-ров», для Жана Г. — квартальный выпуск «Пласида и Мюзю».

Что же до Жана Д. ...

— Комиксы про Зебюлона и волшебную карусель! — прошепелявил он. — Сыкарно!

Мы все чуть не умерли от радости и бросились обнимать дедушку Жана.

— Спасибо! — кричали мы наперебой. — Лучше подарков просто не бывает!

Мама и папа огорчённо переглянулись.

---

* Книга комиксов из серии о приключениях Тинтина бельгийского художника Эрже.

— А как же наши воспитательные принципы? — пробор-мotal папа.

Но мы все уже уселись — кто на диван, кто в кресло — и уткнулись в свои комиксы, даже не подумав спросить разрешения.

— Боюсь, говорить о принципах уже поздновато, дорогой, — философски заметила мама.

— Все эти альбомы в деревне отсырели бы, — объяснил де-душка Жан. — Здесь им будет лучше, ведь правда?

А потом он опять открыл сумку, достал оттуда толстый том и протянул его папе.

— Вас я тоже не забыл, — сказал он с хитрой ухмылкой. — Смотрите, что я вам привёз.

— Энциклопедия восхитительного мира окаменелостей с цвет-ными иллюстрациями! Какая замечательная идея! — зааплоди-ровала мама. — Правда, дорогой?

Папа старательно изобразил улыбку на лице.

— Да-да... Большое спасибо, дорогой тесть. Лучшего подар-ка просто не придумаешь.

А потом случилось удивительное: как-то вечером на следую-щей неделе мы застукали папу в гостиной за чтением «Семи хрустальных шаров».

Он так увлёкся, что не заметил, как потухла его трубка и ку-бики льда растаяли в стакане.

— Так она у тебя! — сказала мама. — Жан В. весь дом перевер-нул сегодня утром в поисках своего «Тинтина».

Папа виновато потупился.

— Я не ради удовольствия, дорогая, не подумай... Просто я полагаю, что мы, как родители, обязаны внимательнейшим образом просматривать всё, что читают наши дети.

— А, ну тогда понятно... — сказала мама.

— Что понятно?

— Сегодня утром библиотекарь сказала мне, что ты встал в очередь на продолжение этой книги.

— «Храм солнца», — сознался папа. — Честно говоря, да.

— Ты планируешь... и продолжение тоже внимательнейшим образом просмотреть?

— Да, — подтвердил папа. — Если первая часть этой истории такая захватывающая... эм-м... то есть если она вполне пристойная, это ещё не значит, что в продолжении нет сцен, которые могут ранить неокрепшие юные умы.

В эту самую секунду в гостиную влетел взбешённый Жан А.

— Кто собрал мой супергигроскоп, который прилагался к свежему номеру «Пиф гаджет»? — спросил он, подперев кулаками бока. — Немедленно признавайтесь, кто это сделал!

Мы все ошеломлённо переглянулись.

— Это я, — наконец сознался папа.

— Ты? — не поверил своим ушам Жан А. — Ты вскрыл мой конверт с журналом?

— Я нашёл его сегодня в почтовом ящике, — объяснил папа. — И посчитал, что мой отцовский долг... эм-м...

— Убедиться в том, что игрушка работает? — подсказала мама.

— Вот именно! — выкрутился папа. — А вообще, конечно, поразительно, какие чудесные вещи научились производить из нескольких кусков пластмассы...

— Может, ты и мне мой «Патруль бобров» отдашь? — спросил я. — Я его везде ищу.

— И мой толстый выпуск «Пласида и Мюзо»? — поинтересовался Жан Г. — Конечно, после того как внимательнейшим образом его просмотришь...

— Безусловно, — откашлялся папа.

По выражению его лица нам стало понятно, что эту партию мы выиграли.

Вот только Жану В., похоже, придётся провести этот вечер без «Тинтина».

Месть муши

Жан В. очень злопамятный. Он так и не забыл, как мы с Жаном А. выдали его, когда он обменял папину окаменелость на выпуск комиксов про Рахана.

Несколько дней спустя, когда мы все уже улеглись и я даже начал засыпать, меня разбудил голос Жана А., который лежал у себя на верхнем ярусе и громко стонал.

— Что там с тобой случилось? — спросил я. — Живот болит?

— Нет. Ноги! — просипел он.

— Это ты на роликах перекатался со Стефаном, — сказал я. — И теперь у тебя ноги занемели, вот и всё! Чувствуешь, как по ним будто муравьи бегают?

— Ага, красные! — процедил он сквозь зубы. — Болит просто адски!

Жан А. тот ещё неженка, поэтому я не стал особенно волноваться. Я засунул голову под подушку и скоро опять уснул.

Но на следующее утро я сам проснулся с больными руками и ногами, как будто меня всю ночь избивали.

— Это у тебя после футбола кости ломит, — диагностировал Жан А. — Не надо было играть до самого вечера!

— Это всё из-за тебя! — протянул я. — Ты меня заразил своими судорогами!

— Дубина, судороги — это незаразно! — загоготал Жан А. и тут же закричал от боли и принялся массировать разболевшиеся икры.

— Что с вами такое, мальчики? — спросил папа за завтраком, когда увидел, как мы сидим и корчимся над тарелками с кашей.

— У нас всё болит, — пробурчали мы с Жаном А.

Нам повезло, что папа у нас — очень хороший врач.

— Цефалгия? — спросил он. — Люмбалгия? Дипломатическая болезнь?

— Что такое дипломатическая болезнь? — спросил Жан Г.

— Это когда притворяешься умирающим в надежде, что не придётся идти в школу, — объяснил папа, доставая свой врачевный чемоданчик. — Но у меня есть огромный шприц, который очень эффективен против подобного рода недомоганий.

— Нам уже гораздо лучше! — наперебой заверили мы папу.

— Вот и хорошо, — сказал он. — Очень не хотелось бы делать вам укол прямо за завтраком.

Мы бы так ни о чём и не догадались, если бы не довольный вид Жана В., когда мы вставали из-за стола.

— Так вам и надо! — злорадно прошипел он. — Это месть Раскара Капака!

— Чего это он? — спросил у меня Жан А. по дороге в школу. — Двинулся, что ли?

— Это из «Семи хрустальных шаров», — объяснил я. — Там археологи становятся жертвами проклятия, когда вскрывают гробницу Раскара Капака... В определённый час они все одновременно просыпаются и вопят от боли.

— Да ладно! — воскликнул Жан А. — Прямо как мы!

— Странно, да? — проговорил я и погладил себя по подбородку: так делает Тинтин, когда задумывается над какой-то загадкой.

Но скорее всего это была лишь идиотская шутка Жана В., так что я больше об этом не думал.

В тот же вечер, вскоре после ужина, мы, как обычно, по-шли спать.

— Уй-я! — воскликнул Жан А., с трудом натягивая пижам-ные штаны. — Опять ноги ломит.

— И у меня, — проговорил я, сжав зубы. — Ну и достанет-ся же кое-кому!

Тут за стенкой слышался сдавленный хохот.

— Слышал?

— Что? — спросил Жан А.

— Средние! По-моему, они там над нами смеются!

— Ну, сейчас мы им покажем! — воскликнул Жан А., до-ставая карманный фонарик.

Прихрамывая, мы вышли в коридор. Папы и мамы видно не было, путь открыт.

Мы на цыпочках подошли к комнате средних. Под дверью была видна полоска света, и изнутри доносилось странное хи-хиканье.

— Раскар Капак! — распевал кто-то. — Раскар Капак!

Мы узнали голос: это был Жан В.

Я тихо повернул ручку двери, и мы просунули головы в щель.

Я был готов увидеть что угодно, но только не это.

Средние сидели на полу в полной темноте, перед ними го-рела только маленькая свечка.

Жан В. намотал на голову белое банное полотенце. Рядом с ним лежала подушечка для булавок, которую мама всюду ис-кала уже три дня, и оба наших средних брата держали в руке по бесформенной статуэтке из пластилина.

— Ну хватит, теперь моя очередь, — сказал Жан Г.

— Нет, моя, — прошептал Жан В. — Смотри: прямо в пузо Жану А.!

И, схватив в другую руку булавку, он воткнул её в статуэт-ку и принялся крутить там, как будто выкручивает штопором пробку из бутылки.

— Средние, вам помощь не нужна? — спросил я.

Жан В. подскочил чуть ли не до потолка, у него даже тюрбан с головы свалился.

Они с Жаном Г. так громко хохотали, что не услышали, как мы вошли.

— Что вы делаете у нас в комнате? — спросил Жан В. и стал такого же цвета, как его тюрбан-полотенце.

— А вы? — спросил я. — Во что это вы тут играете?

Жан В. язвительно рассмеялся.

— Хотим вас замучить до смерти. Что, сами не видите?

— Тем, что втыкаете булавки в пластилиновые колбаски?

— Это не колбаски, это вы с Жаном А. Как статуэтки археологов в «Храме солнца», — с гордостью объяснил Жан В. — Я их сам сделал, чтобы навести на вас порчу!

Видя наши изумлённые лица, он поднял булавку:

— Волшебство, правда? Не хотите ещё разок попробовать, ради развлечения?

— Ты совсем того, что ли? — проревел Жан А. — Это из-за тебя у нас всё болит?

— Это ещё только начало! — усмехнулся Жан В. — Вот попробуйте портить нам жизнь, старшие, и мы обречём на страшные муки вас и всех ваших потомков.

— И это будет заслуженно! — поддержал его Жан Г. — Могли бы просто убрать со стола, когда была ваша очередь! А ещё из-за вас у Жана В. конфисковали его специальный выпуск журнала.

— Так ему и надо! — ответил я. — Мог бы просто дать нам его почитать, и всё!

— Это был *мой* «Рахан», — стал защищаться Жан В.

— Знаешь, что папа сделает с *твоими* «Тинтинами», когда мы расскажем ему, что ты возомнил себя жрецом Храма солнца?

— Только попробуйте ему рассказать, я вам тогда такое устрою! — развеселился Жан В.

Ну и, понятное дело, закончилось всё кровавой битвой.

Средние дорого заплатили, можете не сомневаться!

Но, конечно, мы не выдали их родителям. Если бы они узнали, что вытворяет Жан В., они бы раз и навсегда запретили нам приносить в дом комиксы.

Пластилиновые куклы в ходе сражения сплющились в лепёшку. Что же до игольной подушечки, то мама чудесным образом обнаружила её на следующий день на дне своей швейной шкатулки.

— Как странно, — сказала она. — Я была уверена, что всё тут перерыла несколько раз...

Но самым странным в этой истории было то, что у нас с Жаном А. после уроков продолжали ужасно болеть то руки, то ноги. Правда, не каждый вечер, но всё же.

— Обыкновенный болезненный рост, — диагностировал папа после того, как обследовал нас с ног до головы. — Ничего страшного, мои дорогие. Просто вы растёте, вот и всё.

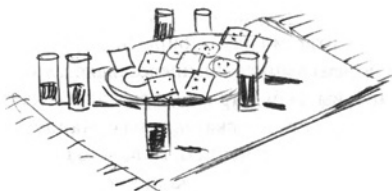
— Ты уверен?

— Уверен, — ответил папа, убирая инструменты на место. — На данный момент ампутация представляется мне излишней... Если, конечно, вы не будете слишком сильно настаивать.

— Нет-нет, спасибо, — сказали мы с Жаном А.

Мы вздохнули с облегчением. Папа — очень хороший врач, и к тому же Жан В. и Жан Г. давно перестали изводить нас своей местью мумии.

— Так что просто идите и полежите у себя в комнате, — посоветовал папа. — Может, у вас есть недочитанные выпуски «Доктора Жюстиса» или «Блейка и Мортимера»? Почитайте их, в вашем состоянии это лучшее лекарство.

Увеселительный вечер у Манов

У нас в семье положено ложиться спать очень рано.

Но только не по субботам! На следующий день в школу идти не надо, и можно поспать подольше.

После ужина, поскольку телевизора у нас нет, мама и папа по очереди устраивают нам увеселительные вечера.

— После тяжёлой трудовой недели нет ничего лучше, чем тихая совместная деятельность в кругу семьи, — каждый раз повторяет папа.

— Ты совершенно прав, дорогой, — поддерживает его мама.

— Сегодня ведь твоя очередь, да? — уточняет папа, который уже сводил нас днём в бассейн и мечтал остаток субботнего вечера спокойно почитать газету.

— Я предоставлю это удовольствие тебе, — говорит мама.

— Разве на прошлой неделе вечер устраивал не я? — протестует папа.

— Насколько я помню, нет, дорогой.

— Ну что ж, — мрачным голосом произносит папа и поворачивается к нам. — Займёмся увеселительным вечером... Всем надеть пижамы и не опаздывать. Иначе вы у меня немедленно отправитесь в интернат для детей военнослужащих. Я ясно выражаюсь?

Больше всего папа любит устраивать такие вечера, на которых мы поём хором.

Перед тем как стать военным врачом, он был скаутом, поэтому знает невероятное количество жизнерадостных песен.

Когда мы встречаемся в гостиной, одетые в пижамы и с уже почищенными зубами, он строит нас в ряд и раздаёт альбомы с песнями.

— Все готовы, господа? Тогда откройте песенники на первой странице. И никаких распеваний, как в прошлый раз!

Он встаёт перед нами и взмахивает курительной трубкой, как дирижёрской палочкой, чтобы дать нам сигнал к отправлению.

— И раз, и два, и три:

Хорошо...

И мы все подхватываем хором:

Хорошо быть моряком,
Смелым и отважным.
С голубым воротником
Ничего не страшно!

Жан В. поёт так, что уши вянут, Жан Д. шепелявит, и в целом у нас получается не хор, а жуткая какофония. Но папа как будто ничего не замечает — он напевает себе под нос: «Пом-пом-пом!» и весело дирижирует трубкой.

А дальше там очень смешные слова, и мы с радостью орём во всё горло:

Рады девушки в порту,
Моряков встречают,
Дарят всё, что берегли,
Крепко обнимают.
Денег нет у моряка,
Ну а и не надо!
Девушке помпона клок
Подарю в награду!

— Дорогой, тебе не кажется, что это... эм-м... что эти слова не очень подходят для неокрепших юношеских умов? — вмешивается мама, видя, как мы смеемся и перемигиваемся.

— Ну что ты, дорогая, — говорит папа. — Это же традиционная увольнительная песня... И потом, нашим мальчикам ведь уже не четыре!

— Мне как раз цетыре! В июле! — гордо напоминает Жан Д.

— А кого увольняют? — спрашивает Жан В., который никогда ничего не понимает.

Папе неохота ничего объяснять, он просто хотел насладиться пением.

— Ну хорошо, — говорит он и переворачивает несколько страниц в книжечке. — Раз так, переходим к песне на странице номер семь. Все открыли?

Все открыли. На этот раз даже Жан А., который беззвучно разевал рот, когда мы пели, начинает трубить вместе с остальными:

Вставай-вставай, вперёд-вперёд!
Отвага в бой тебя ведёт!
Вставай-вставай, вперёд-вперёд!
Никто не остано-о-овит!

Я больше любил, когда увеселительные вечера устраивала мама.

Она никогда не служила в морском флоте, поэтому ей больше нравится читать нам вслух, чем слушать, как мы горланним увольнительные песни.

Она усаживается в кресло, а мы устраиваемся полукругом у её ног на ковре в гостиной.

Лучше всего бывает зимой, когда на улице холодно и в камине горит огонь. Мама одета в свой красивый японский халат, на столике горит лампа. В книгах, которые читает нам мама, в отличие от папиных песен, никогда не бывает ничего неприличного, поэтому даже малышу Жану Е. разрешается слушать вместе с нами.

Он лежит в своём младенческом шезлонге и упражняется в пускании пузырей, лепетании и кусании большого пальца ноги.

— Что ты нам сегодня будешь читать? — спрашиваем мы, сгорая от нетерпения.

— А что вы мне принесли? — спрашивает мама.

И вот её колени завалены книгами. Каждый принёс свою самую любимую книжку в надежде, что мама выберет именно её.

— Может, «Без семьи»? — предлагает Жан А. — Смотри, какое классное название!

— Ты так считаешь? — произносит мама довольно холодно.
Отказ.

— А может, «Оптом дешевле»? — предлагаю я.

Эту книгу я взял в библиотеке, в ней рассказывается правдивая история двенадцати братьев и сестёр из Америки, чьи родители практикуют суперсовременные методы воспитания. По сравнению с этим жизнь шестерых братьев — просто ерунда.

— Слишком толстая, — говорит мама — похоже, её не слишком вдохновила обложка, на которой нарисована машина с оравой детей.

— Тогда, может, моего «Тинтина в Тибете»? — предлагает Жан В.

— На вечерах чтения — никаких комиксов, — возражает мама.

Наступает очередь Жана Г.

— «Книгу джунглей»! То место, где волчица Ракша решает взять Маугли к себе!

— Это мы уже читали на прошлой неделе, — говорит мама. — А у тебя что, Жан Д.?

— Я могу рассказать мой любимый стишок: «Присла зима, и стужа залит»!

— Не-ет, — кричим мы все хором. — Лучше умере...

— Что-что? — перебивает нас папа, который читает газету, сидя под торшером.

— Ничего-ничего.

— Так-то лучше. Кстати, хочу напомнить вам всем шестерым, что в интернате для детей военнослужащих никаких увеселительных вечеров не бывает.

— Всем шестерым? Но ведь Жан Е. вообще ничего не говорил!

Услышав своё имя, малыш Жан Е. принимается так яростно крутить воображаемые педали у себя в шезлонге, что мама наконец берёт дело в свои руки.

— Ну что ж, раз договориться между собой вы не можете, придётся мне решать самой.

Не говоря больше ни слова, она достаёт книгу, которую прятала у себя за спиной.

Для сегодняшнего вечера мама выбрала толстый том с золотым обрезом.

— Надеюсь, это не какая-нибудь воспитательная история, как та, про отрезанный нос! — забеспокоился Жан В.

— Да, только не это! — закричали мы все хором.

В прошлую субботу маме вздумалось почитать нам отрывок из старинной книжки комиксов, которую она сама читала, когда была маленькой. Это было так страшно, что даже мне потом всю неделю снились кошмары, хотя я вообще не впечатлительный.

Там было про мальчика, который всё время ковырялся в носу, совсем как Жан Г. Родители его наказывали-наказывали, да всё напрасно. И вот его нос в отместку начал расти и стал таким огромным, что пришлось срочно везти мальчика к хирургу. А в конце истории мы видим его уже дедушкой, и он гордо показывает внукам свой нос в банке с формалином, чтобы они не делали так, как он.

— Не беспокойтесь, — сказала мама, усмехнувшись. — На этот раз я выбрала историю более развлекательную: это старая сказка, которая называется «Принцесса на горошине».

Мы все задрожали от волнения.

Ну да, конечно, сказки — это для средних и младших, а не для нас, старших. Но когда тебе читают вслух, особенно если это делает мама, и когда в камине потрескивает огонь и оконные стёкла вздрагивают от порывов ветра, это всё равно здорово.

Мы все потеснее прижались друг к другу у маминых ног. Она положила на тарелку печенье и раздала каждому из нас по большому стакану воды с сиропом, чтобы получилось совсем празднично.

— А нельзя нам вместо воды лимонной шипучки? — попытал счастья Жан В.

Но мама всегда и во всём соблюдает меру, даже на увеселительных вечерах.

— Чтобы у вас раздулись животы перед сном? Об этом не может быть и речи, — сказала она.

— Хочу вам напомнить, — уточнил папа из-за газеты, — что в интернате для детей военнослужащих никакой шипучки вообще не бывает... Я понятно выражаюсь?

— Понятно, — ответили мы.

Мама откашлялась и начала читать:

— «Жил-был принц, он хотел взять себе в жёны принцессу...»

— Ну не-ет! — заныл Жан А. — Не хочу про любовь! Это для девчонок!

Мама сделала вид, что не заметила, как её перебили.

— «...принц хотел взять себе в жёны принцессу, да только настоящую принцессу. Вот он и объехал весь свет, искал такую, да повсюду было что-то не то...» Дорогой мой, ты не мог бы вынуть палец из носа?

— Это принц так сказал? — спросил Жан В., который никогда ничего не понимает.

— Да нет же, дубина, — засмеялся Жан А. — Это мама Жану Г.: если он будет столько ковыряться в носу, он у него вырастет размером с картошку!

— И хирург отрежет ему пипиську! — пояснил Жан Д.

— Да не пипиську, а нос, — расхохотался Жан А.

Мы все покатались по полу от смеха, но маме, похоже, было совсем не смешно.

Она приподняла очки и сказала нам, не повышая голоса:

— Ещё один комментарий подобного рода, и увеселительный вечер завершится всеобщим наказанием. Меня все слышат?

Мы тут же угомонились.

— Очень хорошо. Итак, я продолжаю, — сказала мама и вернула на место очки. — «...Принцесс на свете было предостаточно. Но были ли они настоящими принцессами? Вот и воротился он домой и очень горевал: уж так ему хотелось настоящую принцессу...»

Как-то ввечеру разыгралась страшная буря, и вдруг в городские ворота постучали и старый король пошёл отворять...»

Мама на секунду прервалась, чтобы взглянуть на нас, и мы все воспользовались паузой, взяли себе печенье и уселись поудобнее.

В истории начиналось что-то интересное, и мы бы сейчас ни за что на свете не сдвинулись с места.

Даже папа, и тот подвинулся к нам поближе. Он положил газету на колени и внимательно слушал, пуская под потолок завитушки дыма.

Мама перевернула страницу. В доме стояла небывалая тишина.

— «...У ворот стояла принцесса.

Боже мой, на кого она была похожа от дождя и непогоды! Вода стекала с её волос и платья, стекала прямо в носки башмаков и вытекала из пяток... А она говорила, что настоящая принцесса!»

Жан Г. не выдержал и вмешался:

— Так это она и была, да? Настоящая?

— Тихо ты! — зацыкали мы на него и стали пихать его ногами.

— «...»Ну, это мы разузнаем!» — подумала старая королева, но ничего не сказала, а пошла в опочивальню, сняла с кровати все тюфяки и подушки и положила на доски горошину, а потом взяла двадцать тюфяков и положила их на горошину, а на тюфяки еще двадцать перин из гагачьего пуха.

На этой постели и уложили на ночь принцессу...

— На горошину? — воскликнул Жан В. — Это ещё зачем?

— Спроси у Жана Б., — развеселился Жан А. — Он у себя под матрасом тоже хранит изюм и шоколадки, чтобы тайком есть по ночам.

— А ну повтори, что ты сказал! — накинулся я на него.

Мама бросила на нас обоих строгий взгляд и продолжала:

— «...Утром ее спросили, как ей спалось.

— Ах, ужасно плохо! — отвечала принцесса. — Я всю ночь не сомкнула глаз. Бог знает, что там у меня было в постели! Я лежала на чём-то твёрдом, и теперь у меня всё тело в синяках! Это просто ужас что такое!..»

— Всего-то из-за несчастной горошины? — возмутился Жан В. — Да этого не может быть...

— Это ведь сказка, дубина! — рассердился Жан А.

Жан В. ещё такой ребёнок — он верит всему, что ему рассказывают. Однажды, когда мама прочитала нам главу из книжки «Нодди в игрушечном городе», он решил, что тоже сможет показывать фокусы. Он положил свой самый красивый стеклянный шарик в пустую банку из-под кофе, закрыл крышкой и каждые пять минут проверял, не исчез ли он оттуда...

— Если съесть перед сном цветной капусты, тозе невозможно уснуть, — заметил Жан Д.

Услышав слова «цветная капуста», даже малыш Жан Е., который пока ест только пюре из младенческих баночек, запаниковал и стал снова бешено крутить воображаемые педали.

— Сказка уже закончилась? — спросил Жан Г.

— Не совсем, — сказала мама и потёрла переносицу. — Но следующий, кто меня перебьёт, будет убирать посуду со стола до самых летних каникул.

— Лучше уж сразу до совершеннолетия, — подсказал папа.

— Если ещё и ты будешь вмешиваться, дорогой, я никогда в жизни не дочитаю.

— Извини, дорогая, — сказал папа и спрятался за газетой.

Мы все повернулись к маме.

— Мамочка, давай, дочитай, пожалуйста!

— На чём мы остановились? — спросила она.

Похоже, сейчас ей уже больше не казалось, что нет ничего лучше, чем спокойный субботний вечер в семейном кругу.

Она глубоко вздохнула и продолжила:

— «...Тут все поняли, что перед ними настоящая принцесса. Ещё бы, она почувствовала горошину через двадцать тюфяков и двадцать перин из гагачьего пуха! Такой нежной может быть только настоящая принцесса!..»

Жан В. нагнулся к самому моему уху:

— Не может быть, чтобы от одной варёной горошины под матрасом было столько проблем.

К счастью, мама ничего не услышала.

— «...Принц взял её в жёны, ведь теперь-то он знал, что берёт за себя настоящую принцессу.

А горошина, — прочитала мама, прежде чем закрыть книгу, — попала в кунсткамеру, где ее можно видеть и поныне... если только никто её не стащил!»*

— Совсем как тот отрезанный нос! — обрадовался Жан А. В комнате повисла мёртвая тишина.

— И это всё? — спросили мы, немного разочарованные тем, что сказка оказалась такой короткой.

— Всё, — ответила мама. — Ну как вам эта старая сказка, понравилась?

— Ещё как! — сказал Жан В. — Если не считать того места про хирурга...

— Ну ты и дубина! — воскликнул Жан А. и стукнул себя по лбу. — Хирург был в другой сказке!

— В какой ещё другой сказке? — спросил Жан В., который, похоже, вообще ничего не слушал.

К счастью, мама никогда не упускает возможности заняться нашим образованием и рассказать что-нибудь дополнительное.

— Чтобы завершить этот прекрасный вечер чтения, дорогие дети, я предлагаю вам небольшую игру. В старых сказках часто содержится какая-нибудь скрытая мораль. Кто мне скажет, какую мудрость можно почерпнуть из сказки «Принцесса на горошине»?

Первым поднял руку папа:

— Мудрость такова: чем короче сказка, тем она лучше, и этим господам давным-давно пора в кровать!

— Очень смешно, дорогой, — сказала мама.

— Я, я знаю! — вызвался Жан Г. — Мораль этой сказки — в том, что зелёные овощи очень вредны для здоровья.

— Наоборот, — сказала мама. — Зелёные овощи очень полезны, в них много железа, витаминов и...

---

* «Принцесса на горошине», Ганс-Христиан Андерсен. (Перевод А. В. Ганзен).

— Мне кажется, сейчас не самый подходящий момент для того, чтобы рассказывать детям о здоровом питании, дорогая, — сказал папа, покосившись на настенные часы.

— Мораль — то, что все девчонки — неженки? — предположил Жан А., которого бесило, что сестра Стефана с ним не разговаривает.

— Не совсем, — сказала мама. — Жан Д., а ты что думаешь?

— Слишком слозно, — сдался Жан Д.

— Жан В.?

— Что не надо засовывать горошины в нос?

— Вовсе нет. А ты, Жан Б.?

— Что настоящих принцесс узнают по синякам по всему телу?

— Почти, — сказала мама.

— Ну всё, в постель! — скомандовал папа, складывая газету. — Увеселительный вечер окончен.

— Но ведь ещё только полдесятого!

— Не ещё, а уже полдесятого! — поправил папа. — Все марш спать! И чтобы никаких внезапных просыпаний среди ночи, а не то пеняйте на себя! Я ясно выражаюсь?

Мы молча очистили территорию.

В конце концов, родители имели право хоть часть вечера провести вдвоём.

— Спокойной ночи, дорогие Жаны! — крикнул нам папа.

— Добрых снов! — добавила мама.

— Да-да, вам тоже! — ответили мы в унисон.

Но по лицам средних, направляющихся к себе в комнату, мы с Жаном А. сразу поняли, что на самом-то деле веселье только начинается...

Горошина на шестерых

Только мы все улеглись, как средние проскользнули к нам в комнату.

Жан Д. тенью явился за ними следом, волоча на руках спящего Жана Е.

— Что вы тут делаете? — проворчали мы с Жаном А. — Мы вообще-то уже давно спали!

— Мы увидели у вас свет, — сказал Жан Г. — Вы тайком читаете с фонариками!

— А вам какое дело? — возмутились мы.

— Жан Б., это правда, что у тебя под матрасом есть изюм и шоколад? — спросил Жан В.

— Конечно, нет! Можете даже не надеяться, что я с вами поделюсь!

— Хочешь, чтобы мы рассказали маме и папе?

— Ну ладно, — вздохнул я, слезая с постели. — Но только по одному квадратику, и вы отваливаете.

Жан А. кубарем скатился с верхнего яруса.

Пока я, ворча, рылся у себя под матрасом, они с Жаном В. в темноте с чем-то возились.

— Что вы там делаете?

— Крепость строим, — ответили они. — Ты что, слепой?

Они стащили простыню с верхней кровати и придавили её к полу стульями.

Получилось и в самом деле похоже на крышу крепости. Мы вшестером забрались под простыню и уселись кругом, а фонарики сложили в центре, как будто это у нас такой костёр.

— Все в сборе, господа? — спросил Жан А.

— Ещё бы! — ответили мы.

— Ну что ж, Жан Б., раздавай угощение. Начинаем пир!

Жан Г. принялся потирать руки, глядя, как я разворачиваю свои тайные припасы.

— А давайте, как будто мы рыцари Круглого стола! — предложил я.

— Тогда уж, скорее, рыцари овального коврика! — засмеялся Жан А.

— Такие разве бывают? — спросил Жан В., который никогда ничего не понимает.

— Да нет, чурбан, это я для смеха.

Рядом спал малыш Жан Е., к тому же за дверью в гостиной разговаривали мама и папа, поэтому нам приходилось вести себя очень тихо.

Жан Г. вгрызся в квадратик шоколада и после этого заметил:

— Чтобы получилась настоящая крепость, нам нужна принцесса!

— Ну уж нет, никаких девчонок в моей комнате! — запротестовал я.

— Если ты вдруг забыл, это и моя комната тоже, — сказал Жан А.

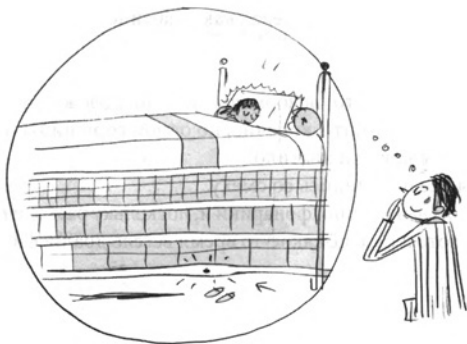
— Думаешь, сестра Стефана тоже спит на горошинах? — пошутил Жан В.

— Хочешь, чтобы я тебе врезал? — завёлся Жан А.

Жан Г. вдруг зажал себе нос.

— Вы ничего не чувствуете?

Мы все посмотрели на младенца, который крепко спал и мирно улыбался во сне.

— Я полагаю, что его светлейшее высочество Жан Е. преисполнил свой благородный подгузник, — объявил Жан А.

— Благородный рыцарь тозе мозет сутку посутить, — прошепелявил Жан Д. свой логопедический стишок.

— Не соблаговолите ли вы передать мне сушёные ягоды винограда, господин Жанно? — спросил Жан Г.

— Чтобы вы набили ими свои ноздри? — ответил я. — И не просите, рыцарь! За кого вы меня принимаете, за тупую редисину?

— А они разве были во времена крепостей? — удивился Жан В.

— Сушёные ягоды винограда? — спросили мы.

— Да нет же! Редисины!

Здорово мы тогда посмеялись...

Конечно, запасов у меня после нашего рыцарского пира совсем не осталось. Но это ничего, ведь нам всем (даже Жану Е., который, конечно, ничего про это не будет помнить) было очень хорошо сидеть там, в нашей крепости, и поесть вместе сладости, слушая, как за окнами шумит дождь.

Заключительное слово произнёс Жан В.

— Хорошо, что ты не сделал как в маминой сказке, Жан Б., — сказал он.

— Ты о чём?

— Ну, хорошо, что ты нормальные вещи положил под матрас. Потому что извините, конечно, но одной горошины на шестерых нам бы вряд ли хватило!

И мы все повалились со смеху.

А потом выключили фонарики и, поскольку расходиться нам пока не хотелось, ещё какое-то время весело дрались в темноте.

Содержание

Операция «Библиотека»	5
Великолепная единица	19
Большой цирк	27
Игра в слепого	32
День матери	39
Каникулы на дереве	52
Ночь Робинзонов	60
Наказание	70
Плохой день для гипероплюса	77
Спасибо, дедушка Жан!	89
Мсть мумии	96
Увеселительный вечер у Жанов	102
Горошина на шестерых	114

Литературно-художественное издание
Для младшего школьного возраста
Маркировка согласно Федеральному закону №436-ФЗ: 6+

Жан-Филипп АРРУ-ВИНЬО
Горошина на шестерых
Приключения семейки из Шербура

Иллюстрации Доминик Корбасон
Перевод с французского Ира Филиппова

Издатель Виталий Зюсько
Исполнительный директор Наталья Эйхвальд
Шеф-редактор Марина Кадетова
Ведущий редактор Ася Гасымова
Литературный редактор Марина Драпкина
Дизайнер-верстальщик Дмитрий Дервенёв
Корректор Надежда Власенко

Регистрационное свидетельство
№ 5087746578123 от 11.12.2008

ООО «Издательский дом «КомпасГид»
101000, Москва, Лубянский проезд, д. 5, стр. 1
Тел.: (499) 707-74-75
E-mail: book.kompasgid@gmail.com

По всем вопросам, связанным с приобретением книг издательства,
обращаться в ТД «Лабиринт»:
(495) 780-00-98; www.labirint.org

Книги «КомпасГид» в электронном виде вы можете приобрести на
www.litres.ru

www.kompasgid.ru
Ищите нас в социальных сетях:
www.facebook.com/kompasguide
www.vk.com/ph_kompasgid
www.instagram.com/kompasgid

Подписано в печать 06.02.2019.
Формат 70×90/16 (165×235 мм).

Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,75.

Отпечатано в филиале «Смоленский полиграфический комбинат»

ОАО «Издательство «Высшая школа».

Российская Федерация. 214020, Смоленск, ул. Смольянинова, 1.

Тел. +7(4812) 31-11-96. Факс: +7(4812) 31-31-70

E-mail: spk@smolpk.ru <http://www.smolpk.ru>

Заказ № м7629.

